

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва. Кузнецкий М. 7. Телефоны: { Редакция 1-23-93.
Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
" " полугода 6 р. — к.
Для подписчиков при подписке на год 8 р. 50 к.
" " полугода 4 р. 50 к.

№ 41

21 октября 1927 года.

№ 41

Задачи и методы работы прокуратуры в деревне.

Вопрос о методах работы прокуратуры в деревне будет «вечно новым и вечно старым» вопросом, ибо экономический рост Республики выдвигает перед прокуратурой все новые и новые задачи по охране и внедрению революционной законности в стране.

Прокуратура организована была в момент, когда вопрос хозяйственного возрождения страны, пришедшей в упадок от империалистической и гражданской войны, стал основным вопросом дня, когда нэп, развязав гражданские правоотношения в стране, требовал решительного отказа от методов управления, употреблявшихся в период военного коммунизма, тормозящих развитие этих гражданских правоотношений.

В этот период своей деятельности прокуратура главной своей задачей имела борьбу с нарушением законов со стороны местных органов власти и со всяким произволом, препятствующим хозяйственному росту страны.

Эта задача стоит перед прокуратурой и сейчас. Но теперь, когда гражданские правоотношения усложнились и в дальнейшем все больше и больше усложняются, и некоторые методы работы прокуратуры должны быть изменены, в частности, в связи с усилением классового расслоения крестьянства, когда те хозяйственные процессы, которые происходят в деревне и речь о которых будет идти ниже, не могут не найти отражения в работе прокуратуры.

Это не значит, что борьба за революционную законность с административным произволом может быть ослаблена, это только означает, что прокуратура в своей работе в деревне должна в настоящее время изыскать такой метод работы, который, не ослабляя ни одной отрасли работы прокурора в деревне, дал бы вместе с тем возможность отразить и эти вновь вставшие перед ней задачи.

В настоящей статье мы попытаемся доказать, что работа судебная требует в настоящее время усиления внимания прокуратуры и что она (судебная работа) в своем развитии до сих пор значительно отстает от остальных отраслей работы, а также попытаемся указать те методы, которые, по нашему мнению, она должна бы выдвинуть на первый план.

Какие отрасли работы стоят перед прокуратурой сейчас?

Все многообразие ее работы может быть в основном сведено к трем моментам:

1. Работа по общему надзору.
2. Политработа.
3. Судебная работа.

Все эти три отрасли работы развивались в 1926 году следующим образом:

Работа по общему надзору.

Эта отрасль работы в основном производится путем обследования низовых органов власти с точки зрения соблюдения ими революционной законности во всех областях их деятельности, затрагивающих интересы широких слоев населения, опротестования постановлений этих органов, вынесенных в противоречии с законом, и привлечение в необходимых случаях к дисциплинарной или уголовной ответственности нарушителей.

После ряда директив из НКЮ, а также после указаний при ревизиях НКЮ на местах дефекты в этой области мы в настоящее время встречаем уже как исключение.

Обследования носят теперь уже более серьезный характер, поскольку, конечно, это при существующих методах работы возможно; объекты обследования уже ограничиваются только теми органами, которые непосредственно регулируют жизнь граждан и которые имеют тесное соприкосновение с вопросами революционной законности.

Так, всего обследований было произведено: I пол. в 1925 г.—6347; I пол. в 1926 г.—10735; II пол. в 1926 г.—13443.

Из упомянутого выше числа обследований мы имели обследованных органов:

	ВНК и и с/с	ВЗК	Волмил.	Камер.	и/сл.	прочих
I. п. в 1925 г. . .	3129	825	1443	нет	сведен.	1051
I. п. в 1926 г. . .	4540	1587	2067	1588		954
II. п. в 1926 г. . .	5601	1914	2393	1677		1776

Совершенно ясно видно, что охват прокуратурой низовых органов власти все время растет, при чем графа «прочих», свидетельствующая о распылении внимания прокуратуры и в 1925 году занимавшая по отношению ко всему числу обследований 16,4%, в I полугодии 1926 года занимает всего 8,8%, уменьшаясь также и в абсолютных цифрах.

Как результат этого более широкого охвата своим надзором деятельности низовых органов власти мы имеем прежде всего непрерывное увеличение числа протестов на их постановления; так было направлено прокуратурой в УИК и РИК и

в 1925 г.—10067 протестов
в 1926 г.—19049 протестов.

Мы с полной уверенностью утверждаем, что увеличившееся число протестов на постановления низовых органов власти свидетельствует не об ухудшившейся работе последних, а исключительно о том, что прокуратура все больше и глубже охватывает своим надзором низовые органы власти, ибо допустить, что это обстоятельство доказывает об увеличившемся числе нарушений со стороны низовых органов власти это значит отрицать качественный рост низового советского аппарата, что будет безусловно неправильно.

Политработа.

Под политработой мы здесь разумеем доклады прокурора на сходах и общих собраниях граждан по вопросам правового просвещения; связь и работа прокурора с деревенским активом в смысле поднятия его правовых знаний и, наконец, работа прокурора по инструктированию личного состава органов власти, с точки зрения правильности выполнения своих функций и соблюдения ими революционной законности.

Из всех тем, на которые прокуратурой были проведены беседы, мы имеем, главным образом, темы по вопросам: новое положение о сельхозналоге, наем рабочей силы в сельских местностях, льготы красноармейцам и т. п.

Помимо этого качественного улучшения работы, мы имеем также и количественный рост докладов и бесед.

Всего проведено докладов в деревне: 1 полугод. 25 г.—6.347, 1 п. 26 г.—6.714, 2 п. 26 г.—6.453; из этого числа было сделано докладов непосредственно на сельских сходах: 1 п. 25 г.—3.349, 1 п. 26 г.—4.924, 2 п. 26 г.—3.928. Эти данные в достаточной степени свидетельствуют о том, что количественному росту докладов в деревне неизменно сопутствует и рост связи прокуратуры с широкими слоями населения.

Как результат широкой связи прокуратуры с населением деревни мы имеем и усилившуюся активность населения, выраженную в растущем числе подаваемых в прокуратуру жалоб на различные нарушения законов, при чем растет не только общее число подаваемых жалоб, но растет также и число жалоб, подаваемых непосредственно прокурору при его выездах в деревню.

Так, всего было подано жалоб: 2 п. 25 г.—36.684, 1 п. 26 г.—84.443, 2 п. 26 г.—93.537; из этого общего числа поступивших в прокуратуру жалоб было принесено непосредственно прокурорскому надзору при выездах в деревню: 2 п. 25 г.—сведений нет, 1 п. 26 г.—13.379—14,6% всех жалоб, 2 п. 26 г.—14.702—15,6%.

Указанный контроль должен быть расширен за счет еще большей связи с деревенским активом, чтобы жалобы подавались не только теми, чьи интересы нарушены, но также и лицами, непосредственно этими беззакониями незадаетыми.

Судебная работа.

Если, однако, в указанных выше отраслях деятельности прокуратуры в деревне, последняя достигла значительных успехов, то в работе судебной мы таких успехов, к сожалению, отметить не можем. Здесь достижения значительно уступают достижениям других отраслей работы.

К чему должна сводиться судебная работа прокурора в деревне? В основном оно сводится к наблюдениям за дознанием, следствием, к выступлениям в нарсуде и к промотру, по возможности на месте, приговоров и решений в порядке надзора.

Возьмем следственный аппарат. Мы хорошо знаем, что без удовлетворительно проведенного следствия, как крепкого фундамента, не могут нормально проходить дела в судебных заседаниях, однако, несмотря на целый ряд мер, предпринятых НКЮ, приходится с несомненностью констатировать, что работа следаппарата в качественном отношении остается попрежнему неудовлетворительной.

Если в начале 25 г. неудовлетворительность следствия объяснялась некоторой загруженностью следователей делами (41 дело в среднем на следователя), то в настоящее время, когда разгрузка аппарата достигнута в полной мере и в среднем на следователя приходится 8—10 дел, достигнутые успехи в качественном проведе-

нии следствия являются весьма незначительными; так, рассматривая направление дел народными следователями, мы имеем: в порядке 211 ст. УПК—40,2% (25 г.) всех дел, 47,7% (26 г.), в порядке 203 ст. УПК—40,1% (25 г.), 38,3% (26 г.), по подследственности—15,4% (25 г.), 10,6% (26 г.), для приостановления—4,3% (25 г.) и 3,4% (26 г.).

Эта таблица свидетельствует, что успехи, выраженные в большом направлении дел в порядке 211 ст. УПК, в 26 г. по сравнению с 25 г. достигнуты, главным образом, за счет уменьшения направления дел по подследственности и на приостановление, и, действительно, как и в 25 г., в 26 г. отсутствие плана и инициативы у нарследователей при производстве следствия, ненужные передпросы свидетелей, бесконечные экспертизы (чаще там, где ее не требуется) и ничем неоправдываемая медленность по-прежнему сопутствуют предварительному следствию.

Кроме перечисленных дефектов в работе следаппарата, как это видно из материалов, имеющихся в НКЮ, одним из главных дефектов следует отметить неосновательное возбуждение уголовных дел, особенно должностных, которые должны были бы во многих случаях иметь направление не в уголовном, а в дисциплинарном порядке. Результат этого явления—большое число оправдательных приговоров в судах, ненужное таскание по судам обвиняемых и свидетелей, а также создание у населения впечатления преувеличенной преступности низового советского аппарата, что наносит ущерб последнему тем, что совершенно напрасно дискредитирует его работников: всем хорошо известно, как чутко относятся крестьяне к привлечению должностных лиц к ответственности. Нередко встречается также и бесцельное длительное содержание под стражей в качестве меры пресечения.

Обращаясь к работе прокуратуры в нарсуде, несомненно, можно признать, что необходимость увеличения этой работы в выступлениях в судах по гражданским и уголовным делам, а также в порядке надзора очевидна.

Тов. Мокеев в своей статье «Хозяйственные процессы деревни» («Е. С. Ю.» № 22) на примере Лысогорской волости Саратовской губ. дает характеристику отношений бедноты с кулаками на почве найма рабочей силы для обработки земли безлошадными, а тов. Яковлев, изучавший арендные земельные отношения деревни по всем районам РСФСР, в своей статье «Итоги развития аренды земли в сельском хозяйстве и задачи нашей экономполитики» («Большевик» № 15—16) дает картину того, как сталкиваются интересы бедняка с зажиточными на почве земельной аренды.

По данным, опубликованным в этой статье, кулаки, составляя всего только 13,1% всех арендаторов, имеют в своих руках 35% всего арендного фонда, а бедняки и середняки, составляя 86,9% всех арендаторов, имеют 65% всего арендного фонда.

Такая диспропорция в распределении арендного фонда ничего бы из себя не представляла, если бы динамика арендных отношений деревни не показывала, что кулацкая (многопосевная) часть деревни по всем почти районам Республики проявляет определенную тенденцию к отеснению середняка и бедняка от аренды земли и концентрации у себя арендного фонда.

Приведенные в той же статье тов. Яковлева данные свидетельствуют, что в 25 г., в потребляющем районе кулацкие (крупнопосевные) хозяйства составляли 3,6% всех арендаторов и имели в своих руках 7% арендного фонда, а в 26 г. они, составляя 4,7% всех арендаторов, имели в своих руках уже 9,8% всего арендного фонда:

в производящем районе те же хозяйства в 25 г. составляли 15,8% всех арендаторов, имели арендного фонда 39,6%, а в 26 г. они, составляя 18,7% всех арендаторов, в своих руках имели арендного фонда уже 48,7%.

Если к этому добавить утверждение тов. Яковлева, что у кулаков в большинстве случаев аренда земли сочетается с наймом рабочей силы и что беднота, сдавая в аренду 83,6% всего арендного фонда, думает улучшить этим свое экономическое положение, то станет ясным, насколько при таких хозяйственных процессах нужна помощь прокуратуры, чтобы беднота не эксплуатировалась зажиточными, которые, как это известно, по своей природе к этому склонны.

Это особенно важно потому, что регистрация аренды в ВИК'ах стоит из рук вон скверно.

Не лишним будет здесь отметить, что иллюстрированные т. Яковлевым и Мокеевым активность зажиточных в области концентрации у себя арендного фонда и в области эксплуатации бедноты на почве сдачи ей в наем рабочей силы для обработки земли не находят своего прямого отражения в прокурорской и судебной работе, так, напр., по приведенным нами выше данным, жалобы на кабальные сделки составляют всего только 1,3% всех других жалоб (в абсолютных цифрах немного больше 2.000 жалоб), а в нар. суде мы не имеем ни одного дела, которое прямо свидетельствовало бы о наличии таких сделок. Причиной этого явления следует признать, помимо неудовлетворительного состояния регистрации сделок в ВИК'ах, также и их инертность в области выявления, разяснения и расторжения кабальных сделок.

Прокуратуре в дальнейшем необходимо на эту сторону обратить самое серьезное внимание.

До сих пор этого внимания было недостаточно даже при том незначительном и косвенном отражении, которое вышеупомянутые хозяйственные процессы деревни имели в судах по гражданским делам.

Так, если считать, что цена иска по разобранным нарсудами гражданским делам в некоторой степени может служить показателем отношений бедноты с зажиточными, то мы имеем: иски до 10 руб. составляли 15,3%, от 10 руб. до 100 руб. — 38,6%; а между тем, вмешательство прокуратуры в гражданский процесс составляло всего 0,3% всех дел. Если допустить даже, что в этой бесконечно малой величине имеется некоторая статистическая неточность в сторону ее преуменьшения, то и тогда эту область работы следует признать крайне незначительной и несоответствующей тем политическим требованиям, которые изложены выше; хозяйственные процессы деревни настоятельно предъявляют прокуратуре требования вмешательства в отношения бедняка с кулаком.

Со стороны некоторых имеется склонность объяснить это упущение в работе недостаточными знаниями работниками прокуратуры гражданского процесса. Однако, если посмотреть участие прокуратуры в нарсудах по уголовным делам, т. е. в той области, где квалификация работников прокуратуры вполне установлена и никаких сомнений не вызывает, то и тогда мы имеем ту же самую картину: по данным Прокуратуры Республики, по всем рассмотренным в судебных заседаниях делам в нарсуде выступления прокуратуры по этим делам едва достигают 1,3%, а рассмотренных в порядке надзора дел мы имеем 4,1% всех рассмотренных дел (нужно принять во внимание, что значительная часть дел в порядке надзора истребуется прокуратурой на основании жалоб участвующих в деле лиц).

Причину такого крайне незначительного участия прокуратуры в делах нарсуда следует искать, главным образом, в недооценке ею (прокуратурой) значения судебной работы. Данные, имеющиеся в Прокуратуре Республики в отношении первой половины текущего года, подтверждают эту нашу мысль полностью, так, напр., один из губернских прокуроров в своем отчете за первую половину 27 г. пишет: «ни решение губернского совещания, ни своевременные напоминания губернской прокуратуры о необходимости выполнения плана судебной работы, ни указания по актам ревизии, не могли переломить инертное отношение участковых пом. прокуроров в вопросе о судебной работе и они все еще не усвоили действительного ее значения».

Такую характеристику отношения участковых пом. прокуроров к судебной работе в деревне можно встретить в значительном количестве отчетов губернских прокуроров.

При таких условиях неудивительно, что до 30% всех поступающих от крестьян жалоб падает на волокиту и медленность, главным образом, в органах следствия и суда.

Участковым пом. прокурора необходимо помнить, что работа в нарсудах является одной из важнейших отраслей деревенской работы и что по ней Прокуратуре Республики будет делаться оценка деревенской работы вообще. Из этого не вытекает, конечно, того, что другие отрасли деревенской работы следует ослабить. Это только означает, что судебная работа должна быть усилена, главным образом, за счет рационализации методов деревенской работы.

Методы работы.

Из всех приведенных выше данных бесспорно устанавливается, что судебная работа прокуратуры недостаточна и что на эту сторону работы в настоящее время должно быть обращено главное внимание участковых пом. прокуроров. Вместе с тем также бесспорно устанавливается, что другие отрасли работы в деревне, помимо судебной, развиваются достаточно интенсивно.

Чем, однако, вызвано такое несоответствие в развитии между различными отраслями прокурорской работы?

Нам кажется, что, помимо недооценки значения судебной работы, здесь в некоторой степени играет роль и недостаток времени у пом. прокурора.

Одним из основных методов работы в деревне являются выезды работников прокуратуры в деревню. Во время каждого из этих выездов прокурору необходимо проделать колоссальнейшее количество работы, как-то: обследование сельсовета, волземкомиссии, волисполкома, милицию, следователя, а также посещение суда; провести беседы с населением (доклад) и с активом, инструктивные беседы с аппаратом обследуемых органов, прием жалоб и, по возможности, разрешение их на месте, оказание юридической помощи и ознакомление с этой стороной работы избы-читальни и некоторые другие работы, которых прокурор при выезде предвидеть не может.

Тов. Мокеев в своей статье «Работа прокуратуры в деревне» («Е. С. Ю.» № 29—27 г.) на опыте упомянутой выше Лысогорской волости приходит к заключению, что прокурору для того, чтобы удовлетворительно выполнить всю возложенную на него работу в деревне, необходимо 15 дней; Прокуратура Республики, считаясь с незначительностью прокурорских сил и средств, полагает возможным ограничиться 10 днями пребывания в деревне, а в действительности приходится с сожалением констатировать, что даже эта установленная НКЮ минимальная

норма значительным большинством губерний не только не достигнута, но находится в значительном отдалении от нее. Так, в 25 г. среднее количество дней пребывания в деревне, падающих на выезд, было 4 (абсолютные цифры—2.688 выездов, 10.694 дня), в 26 году—4,7 дня на выезд (абсолютные цифры—около 8.000 выездов, около 38.000 дней). Данные за первое полугодие 27 г. говорят, что эта цифра в текущем году вероятно достигнет 7 дней в среднем на выезд. Мы полагаем, что даже и в это количество дней пребывания в деревне прокурор не сумеет уложиться, чтобы в качественном отношении удовлетворительно выполнить всю деревенскую работу. Как следствие этого, подтвержденное также материалами ревизии НКЮ, мы можем сделать вывод, что, несмотря на отмеченные выше качественные улучшения, деревенская работа до сих пор имеет еще целый ряд дефектов, вытекающих, главным образом, из того, что выезды прокурора в деревню носят «гастрольный» характер, без достаточной предварительной к ним подготовки. И действительно, что может сделать выезжающий без подготовки прокурор в деревне в 4½ или даже в 7 дней, если ему необходимо на обязательные, согласно директив НКЮ, объекты работы потратить: на сельсовет, волземкомиссию и ВИК минимум 3 дня; милицию, следаппарат—2 дня, а куда же вместе с инструктированием, прием жалоб от населения, подготовка к выступлениям и сами выступления в суде, просмотр законченных дел, доклад на общественных сходах и, наконец, проезд в деревню и обратно, на что уходит нередко больше одного дня, и что также входит в общее количество дней пребывания в деревне.

Мы полагаем, что при таком многообразии деревенской работы и при существующих условиях, улучшения которых в ближайшее время вряд ли можно ожидать, прокурор даже при достижении установленной НКЮ нормы пребывания в деревне сумеет удовлетворительно выполнить возлагаемую на него работу при условии рационализации методов своей деревенской работы. Нам эта рационализация мыслится, в основном, в следующем:

По общему надзору. Предварительно перед выездом прокурор должен ознакомиться в УИК'е с состоянием предположенных к обследованию низовых органов (просмотр обязательных постановлений ВИК'а, если ранее этого сделано не было, протоколов ВИК'а, штрафной политики района и др. данных, характеризующих деятельность низового советского аппарата, с точки зрения революционной законности) рассмотреть характер имеющихся крестьянских жалоб этого района. Располагая этими данными, прокурор на месте, зная слабые стороны обследуемых органов, направит свое внимание туда, где это ему по уже изученным материалам покажется необходимым. Мы думаем, что такой способ работы, с одной стороны, значительно сократит время, необходимое для обследования без ущерба для качества обследований, с другой стороны, даст возможность взять, что называется, «быка за рога», отметая все то, что с точки зрения революционной законности не представляет интереса. Помимо этого, объекты обследования должны быть ограничены исключительно ВИК'ом, сельсоветом, волземкомиссией; что же касается других органов, то в случае поступления обоснованных данных о каких-либо злоупотреблениях эти данные должны быть отправлены следователю для производства следствия или в органы ревизии, если поступившие сведения требуют еще проверки. Это обстоятельство будет способствовать, между прочим, и уменьшению числа неосновательных привлечений к ответственности.

По работе политической. Эта часть работы, выраженная в докладах и беседах с населением,

которое (население) заранее должно быть оповещено о дне выезда, должна явиться результатом данных, полученных прокурором из всех обследованных им учреждений, а также и ознакомления с работой нарсуда. В результате такого способа получится ограничение докладов такими темами, которые имеют непосредственное отношение к вопросам революционной законности (ибо только эти стороны деятельности низовых органов власти подвергаются обследованию со стороны прокуратуры), как пример: состояние преступности в районе, штрафная политика, полнота и неполнота регистрации сделок по найму рабочей силы и аренды земли, отражение этих сделок в суде, борьба с волокитой, незаконное обложение, выявленное обследованием, и т. п. От тем общего характера необходимо отказаться вовсе.

Особое внимание необходимо оказать работе с деревенским активом, в особенности с общественными обвинителями, которые по всем областям прокурорской работы в деревне могут служить прокуратуре твердой опорой. Для этого необходимо, чтобы прокурор, выбрав из числа общественных обвинителей нескольких более грамотных и интересующихся этой работой и подготовив их хотя бы совместно с имеющимися в районе представителями органов юстиции, через них (общественных обвинителей), не предоставляя им никаких формальных прав, проводил бы правовую пропаганду в деревне и, может-быть, даже через них надзирал бы за соблюдением революционной законности в повседневной работе низовых органов.

Рекомендуемые нами методы работы по общему надзору и политработе дадут возможность уложить их (эти отрасли работы) в 3—4 дня, исходя из того, что на обследования волисполкома, волземкомиссии и сельсовета потребуется 2—3 дня (поскольку прокурор при выезде по материалам, собранным в УИК'е, будет знать слабые стороны обследуемых организаций), и 1 день на политическую работу, собирав жалоб, оказание юридической помощи и т. п.

Таким образом, у прокурора остается еще 4—5 дней на судебную работу (обследование милиции, следователя и участие в суде). Нельзя сказать, чтобы этого количества времени было вполне достаточно для этой области работы, но все-таки оно на много больше того, которое уделяется прокуратурой в настоящее время, и, по нашему мнению, такого количества времени уже достаточно для того, чтобы значительно поднять отставшую судебную работу.

В действительности, судебную работу прокурор сумеет распределить таким образом: на обследование и дачу конкретных указаний нарсуду—1 день, что вполне достаточно, имея в виду 8,5 дел в среднем на участок; на обследование и инструктирование органов милиции—1 день, что также можно признать достаточным, полагая, что при незначительном количестве дознаний, имеющихся в этих органах, возможно в указанный срок произвести также обследование и других отраслей работы у них, как-то: исполнение решений по гражданским делам, исполнение приговоров, взыскание штрафов и т. п.; остальное время 2—3 дня должно быть посвящено выступлениям в суде и обзору разрешенных дел. Но для того, чтобы эти 2—3 дня как можно продуктивнее использовать на судебной работе, прокурору необходимо предварительное сообщение нарсуду о дне предполагаемого выезда в его район, с тем, чтобы суд мог назначить к слушанию такие дела, которые, по его мнению, требуют участия прокурора.

Заключившая настоящую статью, мы считаем необходимым оговориться, что предложенные нами методы ра-

боты вовсе не исчерпывают собой все возможности, которые имеются у прокуратуры и необходимы ей для улучшения в дальнейшем деревенской работы, но мы думаем, что эти методы при их применении в значительной степени улучшат эту сторону работы на местах.

А. Дергачев.
А. Роднянский.

Прокуратура в гражданском процессе.

(Сравнительный очерк).

Участие советской прокуратуры в гражданском процессе составляет одно из отличий ее от прокуратуры дореволюционной и прокуратуры современных буржуазных государств.

Деятельность дореволюционной прокуратуры ограничивалась рамками уголовного процесса. Говорить о каком-либо серьезном практическом участии и влиянии ее в области гражданского процесса совершенно не приходится.

В объяснительной записке быв. министерства юстиции от 25 февраля 1910 г. к проекту «об отмене заключений прокурора по гражданским делам» указывалось, что за три года (1906, 1907, 1908) «прокуратурой в одних лишь окружных судах дано свыше трехсот тысяч заключений по гражданским делам, что составляет в среднем по сто тысяч заключений в год, не считая многочисленных заключений, которые даются по тем же делам в с'ездах мировых судей и уездных с'ездах, при чем число таких заключений из года в год возрастает». По отдельным годам число заключений в бывших окружных судах, судя по официальным данным б. министра юстиции, выразились в 1906 г.—85274 заключений, в 1907 г.—98829, в 1908 г.—123991.

Приведенные цифры создают на первый взгляд представление о весьма активной роли, которую дореволюционная прокуратура играла в гражданском процессе. Такое представление как будто бы находит себе дальнейшее подкрепление в тех довольно многочисленных категориях гражданских дел, по которым царская прокуратура обязывалась давать заключения *).

Хотя закон от 9 мая 1911 г. об отмене заключений прокурора по гражданским делам («С. У.» 1911 г. № 99 ст. 913) и значительно ограничил круг этих дел, тем не менее и по этому закону круг их достаточно широк. Ст. 343 устава гражд. судопроизводства редакции 1911 г. обязыва-

*) В общих судебных установлениях прокурор давал заключение: по делам казенного управления, по делам земских учреждений, городских и сельских обществ, по делам лиц, не достигших совершеннолетия, безвестно отсутствующих, глухонемых и умалишенных, по вопросам о подсудности и о пререканиях, по спорам о подлоге документов и вообще в случаях, когда «в гражданском деле обнаруживаются обстоятельства, подлежащие рассмотрению суда уголовного», по просьбам об устранении судей, по делам брачным и о законности рождения, по просьбам о выдаче свидетельств на право бедности, по делам о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц административного ведомства (Св. зак. т. 16 ч. 1, уст. гражд. суд. ст.ст. 234, 343, 561, 682, 884, 1290, 1312, 1325, 1334 и 1343), и по некоторым другим категориям дел. В с'ездах мировых судей и в уездных с'ездах товарищ прокурора давал заключение по делам лиц, не достигших совершеннолетия, глухонемых и умалишенных, по делам казенного управления, земских учреждений, городских и сельских обществ, по вопросам о подсудности, об устранении членов с'езда, а также по делам, в которых истцами или ответчиками являются железные дороги (там же, ст.ст. 179 и 199, прав. суд. част. земск. начал. ст. 123). Н. Л.

вает прокурора давать заключения: 1) по вопросам о пререканиях между судебными и правительственными установлениями, 2) по спорам о подлоге документов и вообще в случаях, когда в гражданском деле обнаруживаются обстоятельства, подлежащие рассмотрению суда уголовного, 3) по делам брачным и о законности рождения, когда в них нет ответчика, 4) по делам о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц, административного ведомства и служащих по выборам, а также о взыскании убытков с чинов судебного ведомства.

Кроме того, ст. 1343 уст. гражд. суд. возлагала на прокуратуру «собрание доказательств к опровержению неправильных требований истца по делам, в коих нет ответчика».

Наконец, цирк. мин-ва юстиции от 20 марта 1912 г. за № 16503 подтверждается обязанность заключений прокурора по всем гражданским кассационным делам не только в сенате, но и во всех тех судебных органах, которым по царским законам присвоены были полномочия кассационных инстанций. При всем том, однако, представление об активной роли дореволюционной прокуратуры в гражданском процессе было бы глубоко и в корне ошибочным.

Мы уже не говорим о той убийственной оценке практического значения и удельного веса работы дореволюционной прокуратуры с ее сотнями тысяч заключений в гражданском процессе, которую находим не только в научных и учебных юридических трудах, но и в официальном документе самого же министерства юстиции.

Несколько выдержек из упомянутой выше докладной записки дают вполне точное представление о фактическом удельном весе и практической ценности участия дореволюционной прокуратуры в гражданском процессе.

Начав с тех предположений, коими руководствовались Судебные Уставы 1864 г. при установлении ими обязательного заключения прокуратуры по определенным категориям гражданских дел, объяснительная записка далее вынуждена констатировать буквально следующее:

«Опыт свыше сорока лет, истекших со времени введения новых судов, не мог не привести к признанию ошибочности предположений творцов Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. По отзыву как литературы, так и судебных деятелей, прокурорские заключения, в подавляющем большинстве случаев, не отвечают вышеуказанной задаче и на практике обращаются в пустую формальность, тягостную для прокуроров и ненужную для суда» (курсив мой. Н. Л.).

И немного далее:

«Лица прокурорского надзора в наших судебных местах, за исключением правительствующего сената, являются не носителями высшего знания и опыта по вопросам гражданского права, но, обыкновенно, менее сведущими и опытными цивилистами, чем те судьи, которых они призваны наставлять. Нередко заключения прокурорами делаются со слов членов-докладчиков, к которым лица прокурорского надзора до открытия заседания и обращаются с просьбами ознакомить их с обстоятельствами дела и с вероятным, а иногда только предполагаемым его решением. При таких условиях участие прокурорского надзора в гражданских делах, естественно, не оказывает, за редкими исключениями, ни малейшего влияния на их разрешение и не только не способствует упрочению авторитета его в глазах суда и сторон, но, напротив, роняет его достоинство».

**) См. Фойницкий: Курс уголовного суд-ва, т. 1, изд. 1902 г. стр. 488. Малышев: Курс гражд. суд. и др.

Но суть не только в фактически призрачном участии дореволюционной прокуратуры в гражданском процессе. И по формальному объему права дореволюционной прокуратуры в гражданском процессе не могут быть ни в какой мере приравнены к тем правам, какие предоставлены прокуратуре советской.

Во-первых, царские законы ограничивали участие прокуратуры в гражданском процессе, если не считать кассационной инстанции, только определенным кругом дел, более широким по судебным уставам, значительно урезанным в 1911 г. Если, с одной стороны, по строго очерченному законом кругу дел участие прокурора было обязательно, то, с другой, по делам, стоящим вне этого круга, прокуратура и при желании никакого участия принимать не имела права.

Таким образом, участие прокурора в гражданском процессе в стадии разрешения дел по существу ограничивалось исключительными случаями.

Во-вторых, что еще более существенно, к чему формально сводилось участие дореволюционной прокуратуры в гражданском процессе?

Как правило, оно сводилось к даче заключений и только. Но дореволюционная прокуратура, как правило, не только не имела права самостоятельного возбуждения гражданского дела, но при разрешении их она (если не считать немногочисленных случаев, которые предусматривались ст. 1343 уст. гр. суд.) даже не пользовалась правом стороны (в смысле, скажем, собирания и представления доказательств), более того, она не имела права опротестовывать решения, вынесенные несогласно с ее заключениями, для суда, конечно, необязательными *). Что же удивительного в том, что при таких условиях, как констатирует упомянутая докладная записка,

«сознавая полную бесцельность своих заключений, будучи лишены возможности поддержать свое мнение, доказать перед высшею инстанцией неправильность принятого судом решения и тем оказать действительную помощь защищаемым ими делам и лицам, прокуроры, уже в силу этого, естественно, относятся к возложенной на них обязанности, как к простой, не имеющей никакого значения, формальности».

Что касается буржуазных законодательств, то, за исключением французского, которое в ст. 83 код. гражданского процесса устанавливает весьма широкое участие прокуратуры в решении гражданских дел, большинство их пошло по пути ограничения этого участия, в частности, австрийское довоенное законодательство совершенно устранило его, возложив роль прокуратуры на финансовых чиновников и на специальных защитников по делам о расторжении браков, каковые дела в глазах помещичье-буржуазных классов, разумеется, считаются особо важными.

*) В качестве иллюстрации того, как последовательно проводился принцип лишения дореволюционной прокуратуры права кассационного опротестования решений, можно указать на чрезвычайно характерное отклонение сенатом (уст. касс. деп. 1871 г. № 1153 по делу крестьянина Холопина) протеста прокурора по уголовному делу только на том основании, что «та часть приговора сезда, которая опротестована товарищем прокурора, нарушает частные имущественные интересы крестьянина Холопина, который на приговор этот не жалуется»). Не менее характерно и действовавшее с 1873 г. циркулярное разъяснение мин. юстиции о том, что прокурорский надзор не имеет права приносить протесты по делам о просьбах жен лиц, переселяемых по приговорам обществ, относительно оставления их на месте жительства по жесткому обращению мужа или развратному его поведению, так как дела эти, по существу своему, должны быть признаны гражданскими (цирк. М. Ю. 14 сентября 1873 г., за № 16778/16783 по сборн. № 346). Н. Л.

Совершенно иная, несравненно более широкая и активная, роль отведена в гражданском процессе советской прокуратуре.

Пробел первоначальной редакции Пол. о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. («С. У.» 1922 г. № 69 ст. 962), которое не содержало никаких указаний на обязанности прокуратуры в области гражданского процесса, вскоре же был восполнен постановлением ВЦИК от 7 июля 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 48 ст. 481), коим была введена в Пол. о Судостроительстве ст. 89-а следующей редакции:

«В области гражданского процесса на прокуратуру возлагается в порядке, установленном соответствующими статьями ГПК: а) участие в судебных заседаниях по делам, б) истребование производства по ним в порядке надзора и в) опротестование судебных решений и кассационных определений по этим делам.

Еще более отчетливо подчеркивает значение участия прокуратуры в гражданском процессе новое, ныне действующее Пол. о Судостроительстве РСФСР (в редакции 1926 г.—«С. У.» 1926 г. № 85 ст. 624).

Если ст. 6 прежнего Пол. о Судостроительстве, трактуя об основных задачах советской прокуратуры и цели, которая преследовала организация ее, говорит о «поддержании обвинения на суде», т.-е. имеет в виду лишь уголовный процесс, если то же отсутствие прямого указания на участие в гражданском процессе характеризует и ст. 78 того же Положения, то соответствующая ст. 6 прежнего Положения ст. 9 действующего Пол. о Судостроительстве уже говорит об «охране в судебных процессах интересов государства и трудящихся», т.-е. дает такую формулировку основных функций прокуратуры, которая включает как уголовный, так и гражданский процесс. Точно также и ст. 59 действующего Положения в отличие от ст. 78 старого указывает на «участие в гражданском процессе в целях ограждения интересов государства и трудящихся».

И, наконец, п. «и» ст. 68, говоря о предъявлении (когда этого требует охрана интересов трудящихся) исков по гражданским делам во всех судебных учреждениях, делает, кроме того, дальнейший шаг в сторону законодательного оформления и санкционирования работы прокуратуры по надзору за разрешением земельных споров, той работы, которая составляет существеннейшую часть работы в гражданском процессе вообще и которая до нового Положения о Судостроительстве регулировалась лишь циркулярами НКЮ и НКЗ от 4 марта 1924 г. за № 35 («Е. С. Ю.» за 1924 г. № 10) и п. НКЮ от 2 VII 1926 г. № 90 («Е. С. Ю.» № 25 за 1926 г.) и отчасти инструкцией для земкомиссий о порядке рассмотрения спорных земельных дел, утвержденной НКЗ и НКЮ 10 января 1924 г.

Таким образом, сопоставление действующего и прежнего Положения о Судостроительстве показывает, что пятилетний опыт практической работы не только не заставил наше законодательство ликвидировать (или в каком-либо отношении умалить и сузить) участие прокуратуры в гражданском процессе, но, наоборот, побудил наше законодательство пойти по пути еще более отчетливого и выпуклого признания необходимости этого участия.

Не останавливаясь детально на тех конкретных формах и рамках участия прокуратуры в гражданском процессе, какие намечены нашим ГПК (это будет сделано ниже), для того, чтобы оттенить глубокое отличие роли, отведенной в гражданском процессе советской прокуратуре, от той, которая отводилась (и которая фактически выполнялась) прокуратуре дореволюционной, достаточно напомнить ст. 2 ГПК, предусмотренное ею право прокурора «как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии

процесса», право, формально могущее быть осуществленным во всех тех случаях, когда, «по его мнению, этого требует охраны интересов государства или трудящегося», право вчинения исков независимо от желания и полномочий непосредственно заинтересованных в деле лиц и учреждений,—такие права были совершенно чужды дореволюционной прокуратуре.

Различное отношение к вопросу об объеме участия прокуратуры в гражданском процессе советского государства—с одной стороны, и помещичье-буржуазных государств—с другой, не является случайным.

Оно находит себе естественное объяснение, в конечном счете, в классовом различии пролетарской диктатуры, осуществляемой государством советским, и диктатуры, фактически осуществляемой под различными квази-демократическими прикрытиями помещичье-буржуазных государств.

Одним из средств прикрывать буржуазную сущность и буржуазную «справедливость» буржуазных судов, буржуазно-гражданского процесса служил пресловутый принцип состязательности гражданского процесса. Принцип этот внешним образом ставил «надклассовый суд» в положение якобы абсолютно беспристрастного арбитра, который во имя «равенства» сторон перед судом сам не собирал и не искал доказательств в гражданском процессе, всецело предоставляя это инициативе сторон. Фактически это, разумеется, означало не более того, что означали на деле и прочие пресловутые формальные «равенства» и «свободы», которыми так часто оперировали и ныне оперируют всевозможных оттенков апологеты капиталистической демократии. На деле это означало «равенство и свободу для богатых», систематическое и повседневное ущемление интересов трудящихся в буржуазном гражданском процессе (не говоря уже о буржуазной сущности того материального гражданского права, коим должен был руководствоваться суд), в силу того, что мало или совершенно неграмотный и неискушенный в юридических тонкостях рабочий и крестьянин фактически не могли с успехом «состязаться» с зажиточным своим противником, к услугам которого были если не собственные его юридические познания, то наиболее квалифицированная часть присяжной и частной адвокатуры.

Буржуазное государство, как известно, до конца не проводило и не проводит «состязательность», но если оно урезывает его, то лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующих классов.

Советское государство не отказывается совершенно от принципа состязательности гражданского процесса. Наш ГПК устанавливает, как правило, что к рассмотрению гражданского дела суд приступает не иначе, как по заявлению заинтересованной в этом стороны (поскольку гражданские правонарушения в отличие от уголовных не являются социально опасными). Из смысла ст. 5 ГПК ясно, что нормальным ГПК считает такое положение вещей в процессе, когда и доказательства представляют суду сами же заинтересованные стороны.

Все это, несомненно, есть начало состязательности нашего гражданского процесса. Но состязательность у нас взята, так сказать, в классовый пролетарский переплет. Она весьма существенно урезывается ГПК в интересах трудящихся. Отсюда принципиально отличное отношение нашего закона и к роли советской прокуратуры в гражданском процессе.

Ст. 5 и ст. 2 ГПК дают основные (до некоторой степени организационные) ограничения состязательности нашего гражданского процесса по линии суда и по линии прокуратуры.

По линии суда, поскольку, согласно ст. 5 ГПК,

«суд всемерно обязан стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, почему, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред».

По линии прокуратуры—путем предоставления ей тех широчайших прав и широчайшей инициативы в гражданском процессе, которые вытекают из смысла ст. 2 ГПК.

Несравненно более широкое право советской прокуратуры в области гражданского процесса является прямым и политическим следствием той функции, которая совершенно чужда была прокуратуре дореволюционной и которая принадлежит к числу главнейших функций прокуратуры советской. Речь идет об общем надзоре, об обязанности осуществлять надзор от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем опротестования нарушающих закон постановлений и возбуждения уголовного, дисциплинарного и административного преследования.

Было бы, конечно, совершенно непоследовательно при возложении на прокуратуру обязанностей по общему надзору изъять из-под наблюдения ее такую серьезнейшую по своему масштабу и значению область, как область гражданского процесса.

Дальнейший анализ норм ГПК, регулирующих участие прокуратуры в гражданском процессе, показывает, что формально право участия в гражданском процессе в том или ином случае, как правило, является дискреционным правом прокуратуры. Единственное ограничивающее это право общее условие, относящееся до сущности гражданского дела, «если... этого требует охрана интересов государства или трудящихся», при чем в отношении этого условия закон не ставит прокурору никаких предельных рамок, но предоставляет решение вопроса всецело на его усмотрение.

Из указанного выше правила вступления в гражданский процесс по своему усмотрению есть два исключения.

Во-первых, ГПК знает случай обязательного участия прокурора в гражданском процессе, обязательного в силу закона. Случай этот предусмотрен ст. 226 ГПК, согласно которой дела о возбуждении ходатайства об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям слушаются при обязательном участии представителя прокуратуры.

Во-вторых, обязательным является и вступление прокурора в процесс в тех случаях, когда суд в порядке ст. 12 ГПК признает такое участие необходимым. Здесь мы имеем вступление в процесс и по инициативе прокурора, а по инициативе суда. Циркуляр Верховного Суда РСФСР от 22 февраля 1924 г. дал выход на случай возникновения коллизии, которая мыслима и действительно в некоторых, правда, очень незначительных, случаях на первых порах наблюдалась, когда прокурор, вопреки мнению суда, полагал, что в деле нет таких моментов, которые вызвали бы необходимость или целесообразность его участия.

Согласно только что упомянутого циркуляра Верховного, «если суд, разрешая гражданские дела, считает необходимым привлечь прокурора в деле для дачи заключения (ст. 12 ГПК) или в качестве стороны в данном деле (ст. 2 ГПК) или же находит нужным возбудить в порядке ст. 2

ГПК новый иск, вытекающий из взаимоотношений сторон по рассмотренному делу или имеющий с ним связь, но истцом не предъявленный, то он свое постановление доводит до сведения местного губпрокурора. В случае несогласия с этим постановлением губпрокурор вносит с одновременным сообщением об этом Центральной Прокуратуре вопрос на окончательное разрешение пленума губсуда, постановление которого обязательно для прокурора».

Что же касается ст. 172 ГПК, обязывающей суд известить о производящемся деле государственное учреждение или государственное предприятие, а также и прокурорский надзор, то она не предполагает обязательного участия по каждому такому сообщению прокурора в деле, как это мы видели, говоря о ст. 12 ГПК. В этих случаях прокурор вправе, руководствуясь только ст. 2 ГПК, или вступить в дело или пройти мимо него, предупредив соответствующее заинтересованное в исходе дела учреждение о необходимости принятия надлежащих мер к охране его интересов.

Наконец, ст. 244 ГПК, говорящая о заключении прокуратуры в кассационных инстанциях, трактует дачу этих заключений не как нечто обязательное, а, опять-таки, как право прокуратуры, что вполне совпадает с тем, что сказано было выше. Принесение кассационных протестов на неправильные решения судов, а еще в большей степени обжалование решений в порядке надзора, предусмотренное ст. 254 ГПК, равняется по основному принципу—руководствоваться соображениями «охраны интересов государства или трудящихся».

Таким образом, отводя прокуратуре выдающуюся роль в гражданском процессе, широкое и формально неограниченное поле для участия в нем во всех без исключения стадиях его, наш закон в то же время, за очень немногими исключениями, не связывает прокуратуру жесткими требованиями обязательного участия в строго определенном секторе гражданского процесса.

Такая линия законодательства основана, если не на невозможности, то на чрезвычайной затруднительности дать в общереспубликанском масштабе конкретный перечень тех категорий гражданских дел, по которым безусловно следовало бы обязать участвовать прокуратуру—с одной стороны, а с другой—на учете реальных ограничений возможностей, имеющихся для фактического осуществления участия прокуратуры в гражданском процессе.

Давая общий критерий для вступления в гражданский процесс, ГПК не дает дальнейшей конкретизации и детализации его.

Да и в самом деле, чем возможно было бы руководствоваться при преподании детального и конкретного обязательного в общереспубликанском масштабе перечня гражданских споров, долженствующих разрешаться с непременно участием в процессе представителей прокурорского надзора?

Вопрос о том, какую именно ограниченную часть из огромной и возрастающей вместе с ростом гражданского оборота массы гражданских споров взять под ударное внимание и наблюдение прокуратуры, прежде всего, может и должен разрешаться на основе тщательного изучения и учета специфических особенностей данного района (губернии, уезда, волости) и, что не менее важно, данного отрезка времени. Одна и та же категория гражданских дел в одном районе, во-первых, может встречаться гораздо реже, чем в другом, а во-вторых, в одном районе, как показывают имеющиеся материалы, скажем, получает в большинстве случаев вполне правильное и с формальной и классовой стороны разрешение, между тем как в другом наблюдаются более частые случаи искривления классовой

линии при разрешении их. Ясно, что если в последнем районе прокуратура имеет все основания уделить ударное внимание этой категории дел, то таких оснований нет в первом районе, а, стало быть, общий твердый перечень мог бы, пожалуй, принести больше вреда, чем пользы, он грозил бы сковывать в некоторых случаях инициативу и возможность более рационального использования сил местной прокуратуры.

Но различие конкретного содержания общей формулы («... если того требует охрана интересов государства и трудящихся») неизбежно не только в виду так сказать территориального признака. Не менее ясна неизбежность этого различия и во времени: то, что в данном году заслуживало особого внимания, через год или два, в связи с изменившейся общей или местной обстановкой, может потерять свое значение.

Отсюда необходимость той гибкости, той «свободы маневрирования», которая действительно предоставлена прокуратуре на местах в области работы ее в гражданском процессе в смысле выбора дел.

В качестве иллюстраций того, как решается данный вопрос отдельными прокуратурами, ограничусь несколькими примерами. Костромской и рядом других губпрокуратур в 1926 г. взяты были под усиленное наблюдение следующие категории гражданских дел:

- 1) дела государственных учреждений, предприятий, кооперации и сельскохозяйственных коллективов; 2) дела социально-слабых элементов из трудящихся, как-то: вдов, сирот, инвалидов труда и войны; 3) дела красноармейцев; 4) дела о расторжении сделок, противозаконных, направленных к явному ущербу для государства (30 и 147 ст.ст. Гражд. Код.); 5) дела по сделкам, совершенным в обход закона (31 и 148 ст.ст. Гражд. Код.); 6) дела, по сделкам, совершенным под влиянием крайней нужды (33 ст. Гражд. Код.); 7) дела бывших владельцев о возврате отобранного имущества (примеч. 1 к 59 ст. Гражд. Код.); 8) дела об имуществах, изъятых из гражданского оборота (20 и след. ст.ст. Гражд. Код.); 9) дела о бесхозяйственном использовании строений и обращении таковых в муниципализированный фонд (цирк. НКЮ и НКВД за № 226—«Еж. Сов. Юст.» 1923 г. № 42); 10) дела о выселениях трудового элемента из жилых частных домовладческих строений.

Можно далее указать на Рязанскую и некоторые другие прокуратуры, которые из массы земельных споров сочли необходимым выделить для особого наблюдения дела волземкомиссий по искам земельных обществ к отдельным гражданам, в виду постоянного проживания последних в городе, фактического прекращения хозяйства и использования земли путем сдачи в аренду. Выделение указанной категории дел обосновывается тем, что дела эти, наиболее характерные, возбуждают большой интерес у населения; кроме того, враждебное отношение в деревне к упомянутой категории землепользователей нередко влияет на земкомиссии и влечет неправильные решения.

Только на основе учета и обобщения опыта и инициативы работы мест в гражданском процессе, а также в связи с общеполитическими задачами, становившимися в том или ином периоде в центре напряженного внимания Партии и Советской власти, возникала возможность преподания директив и фиксирования внимания местных прокуратур на тех или других определенных категориях гражданских дел.

Первую попытку в этом направлении представлял собою циркуляр НКЮ 224—1924 г., который, усмотрев из поступающих с мест материалов, что некоторые коммунальные дома сдаются в аренду муниципализированные дома бывшим владельцам без взимания арендной платы, без отчисления 10% жилой площади и без составления сметы об обязательном для арендатора ремонте, разъяс-

ни, что подобные договоры по характеру своему фактически представляют собой скрытую форму демунципализации и наносят явный ущерб государству, почему, согласно ст. 30 Гражд. Код., должны быть аннулированы. Циркуляр предлагает местным прокурорам на основании ст. 2 Гражд. Проц. Код. возбуждать во всех таких случаях дела о признании договора аренды недействительными. Далее можно указать на цирк. № 193 от 25 октября 1926 г. («Е. С. Ю.» № 44 за 1926 г.), который предлагает прокурорам по делам о задолженности зарплаты группам трудящихся лично выступать на суде в целях как поддержания обвинения, так и поддержания исковых требований.

Непосредственное отношение к вопросу о выделении из огромной массы земельных споров тех, по которым необходимо вступление прокуратуры в порядке ст. 2 ГК, имеет и цирк. НКЮ за № 153—1925 г. о мероприятиях по ограждению земельных прав женщин-крестьянок, а равно цирк. НКЮ за № 177—26 г. о защите имущественных прав бедноты и батрачества.

Наконец, директивное письмо НКЮ № 2 от 5 января 1927 г. предложило ввести обязательный периодический просмотр гражданских дел на судах, равно и последовавших по ним решений, следующих категорий: а) затрагивающих интересы государственных, кооперативных и др. общественных учреждений и предприятий; б) по эксплуатации социально слабых элементов: сирот, вдов, инвалидов и т. п.; в) по кабальным сделкам (ст. 33 УК); г) по недействительным сделкам (ст.ст. 29—32 ГК), если в них потерпевшими являются государство или трудящиеся; д) о причинении вреда личности или имуществу трудящихся (ст.ст. 403 и 404 ГК).

В связи с вопросами о конкретизации круга дел, предусмотренных ст. 2 ГК, стоит другой вопрос: о методах «прощупывания» наличия подобных дел в производстве судов, а равно тех гражданских взаимоотношений, которые требуют инициативы прокурора в возбуждении гражданского иска.

Детальное освещение этого вопроса далеко выходит за рамки настоящей статьи, ставящей своей задачей дать лишь общий анализ роли прокуратуры в гражданском процессе, наметившейся на протяжении истекшего пятилетия.

Здесь необходимо лишь отметить теснейшую связь работы в гражданском процессе с работой прокуратуры в других областях, например, деревенской работой, работой по общему надзору и т. д.

Чем более разветвляется продвижение прокуратуры к бедняцким и середняцким слоям и батрацким слоям деревни, тем легче и чаще нащупываются кабальные сделки различных видов и прочие аналогичные дела, дающие толчок инициативе прокурора в гражданском процессе.

Чем шире общественно-политическая работа прокуратуры, чем больше обращаемость к ней со стороны населения, тем чаще жалобы сигнализируют прокурору о том участке гражданского процесса, где необходимо его участие.

Можно привести несколько характерных иллюстраций и тесной связи работы в гражданском процессе с такой всецело относящейся к области общего надзора работой, как, скажем, обследования хозяйственных органов, которые время от времени производятся по инициативе прокуроров.

Так, например, произведенное Московской губпрокуратурой обследование юрчасти МКХ выявило, что взыскание с ответчиков по исполнительным листам (да и само предъявление исков) производится недостаточно интенсивно. В результате мы имеем, например, такие цифры: по издательству МКХ: предъявлено исков на сумму 25.921 р. 46 к., удовлетворено судом—19.986 р. 13 к., взыскано сумм—3.867 р. 94 к. По Мосрекламе предъявлено исков на сумму—77.208 р. 11 к., удовлетворено судом—46.424 р. 76 к., взыскано судом—16.957 р. 71 к. По Г. Ж. Д.—предъявлено исков на 260.574 р. 87 к., удовлетворено судом—57.175 р. 68 к., взыскано—22.255 р. 98 к. Ясно, что выявленная в результате обследования картина дает достаточно твердую опору для целого ряда практических выводов в работе и по гражданскому процессу (например, о заострении внимания на заключительном звене процесса—исполнении решений, усилении наблюдения за своевременностью предъявления исков соответствующими органами).

Вопрос о том, что фактически сделано прокуратурой в области гражданского процесса, вопрос о количественной и качественной стороне этой работы, также не поддается детальному освещению в рамках настоящей статьи и нуждается в специальном очерке. Подробные, хотя и разрозненные сведения по упомянутому вопросу содержат опубликованные отчеты Прокуратуры РСФСР Президиуму ВЦИК за 1924, 1925 г.г. и за 1926 г.

Анализ этих материалов позволяет сделать ряд выводов, из которых остановлюсь лишь на некоторых, имеющих непосредственное отношение к теме данной статьи.

Во-первых, мы имеем безусловный и непрерывный рост работы прокуратуры в гражданском процессе на протяжении периода, истекшего со времени организации советской прокуратуры. Если выступлений в судебных заседаниях по гражданским делам в 1923 г. было 1.230, то в 1924 г. их уже было 4.934, в 1925 г.—7.909, в 1926 г.—25.722*). Не менее резкий скачок вверх дает и число гражданских дел, истребованных прокуратурой в порядке надзора (1.616—в 1923 г., 7.720—в 1924 г., 19.440—в 1925 г., 30.022—в 1926 г.). Характерно и то, что рост выступлений в гражданском процессе совершается одновременно по всем трем основным направлениям: растет число выступлений по собственной инициативе в форме начатия самого дела (с 106 в 1923 г. и 811 в 1924 г. до 1.251 в 1925 г.), а равно в форме вступлений в уже начатый процесс, и, наконец, в силу предложения судов в порядке ст. 12 ГК (296—4.934—7.909). Ту же картину роста имеем и в отношении заключений кассационных инстанций в порядке ст. 244 ГК, число которых имело место: в 1923 г.—1.924, в 1924 г.—6.425, в 1925 г.—12.100.

Кроме того, для более правильного представления о росте работы прокуратуры в гражданском процессе необходимо учесть и данные, относящиеся к надзору за разрешением земельных споров. Данные эти показывают рост обращений в прокуратуру по земельным делам, рост работы по истребованию и просмотру земельных дел в порядке надзора, увеличение числа обследований земкомиссий.

Вместе с тем приведенные выше цифры показывают, что, несмотря на усиление из года в год участия прокуратуры в гражданском процессе, участие это (в особенности—в на судах) пока недостаточное. Недостаточность участия в гражданском процессе подчеркнута и в дирек-

* Сюда входят данные по 42 губ. о количестве выступлений в на судах, гражд. суд. и касс. отд. Н. Л.

тивном письме Прокуратуры Республики от 1927 г. за № 5, указывающем, что по подсчету по 19 губерниям только 2,4% гражданских дел в 1 инстанции во 2 п. 1926 г. прошло с участием прокуратуры и только для гражд. суд. отд. губсудов процент этот резко повышается до 26%. Число принесенных прокуратурой протестов составляет всего 0,07% числа решенных дел. Кассационные отделения губсудов обслужены были только на 8,5%,

Отсюда очередная задача — максимально возможное усиление в дальнейшем работы и инициативы прокуратуры в гражданском процессе. Задача эта диктуется как теми принципиальными соображениями, о которых говорилось выше, так и общеизвестным фактом возрастания числа гражданских дел в связи с поднятием нашего народного хозяйства, ростом и усложнением гражданского оборота. Если растет общее число гражданских дел в наших судах, то это значит, что растет и число тех из них, которые требуют участия и инициативы прокурорского надзора. Задача в том, чтобы не отстать от этого роста.

Уже ряд прокуратур в связи с переходом к плановому построению работы выработал определенные минимальные нормы участия в гражданском процессе. Назрела пора эти нормы удвоить за счет сокращения участия в различного рода ненужных административных комиссиях и заседаниях. Назревает возможность и желательность установления и общереспубликанских твердых норм участия в гражданском процессе, разумеется, периодически проверяемых и просматриваемых.

Н. Лаговнер.

Круг лиц, имеющих право на вознаграждение в случае причинения смерти.

Вопросу, указанному в заголовке настоящей статьи, наш Гражданский Кодекс уделяет лишь одну ст. 409. Недостаточность и неясность содержащихся в ней правил, с одной стороны, а, с другой стороны, то обстоятельство, что с вопросом этим все чаще и чаще приходится сталкиваться на практике судебным работникам, побудили нас осветить этот вопрос.

Ст. 409 ГК предоставляет право на вознаграждение «лицам, состоявшим на иждивении покойного, и не имеющим других средств к существованию». Таким образом, первый признак, коему должны удовлетворять эти лица, это признак иждивенства. Это понятие из западно-европейских законодательств известно лишь швейцарскому обязательственному праву (1911 г.), ст. 45 которого предоставляется право на вознаграждение тем лицам, кои вследствие причинения смерти потеряли своего кормильца. Все же прочие законодательства ограничивают ответственность или кругом лиц, которые имели право требовать от умершего при его жизни содержания (ст. 843 герман. гр. улож.), или даже только членами семьи покойного (ст. 1327 австр. улож.). Дореволюционное русское право круг этих лиц ограничивало родителями, женой и детьми; лишь ст. 683 т. 10 ч. 1 допускала включение в этот круг и иных потерпевших.

Дореволюционный же проект гражданского уложения (1905 г., ст. 2619) предоставил право требовать вознаграждения тем, которые в день смерти по закону имели

либо впоследствии могли бы приобрести право на получение содержания от лишившегося жизни.

Вводя взамен юридической обязанности содержания момент фактического иждивения, наш закон поступает весьма правильно, ибо, поскольку вознаграждение за смерть носит характер возмещения, естественно, что должен его получить всякий потерпевший вред, а таковым является, безусловно, и фактический иждивенец, хотя бы таковой и не был тем лицом, кое в силу закона имело право претендовать на получение содержания от умершего. Зато введение понятия иждивенства для определения круга тех лиц, кои имеют право на вознаграждение за смерть их кормильца, не должно было бы, мы считаем, лишать права на вознаграждение тех, кто в момент причинения смерти, хотя и не находился на иждивении покойного, но в силу закона имел бесспорное и безусловное право на получение от него содержания. Мы имеем в виду несовершеннолетних детей, а также детей, хотя и совершеннолетних, но нуждающихся и нетрудоспособных (ст. 42 Брачн. и Сем. Код. РСФСР). Весьма часто в момент смерти потерпевшего дети могут оказаться не находящимися на его иждивении, а проживающими и воспитывающимися где-либо на стороне (у родных и т. п.), и лишать их права на получение возмещения тех средств, кои они должны были получать от своего отца и матери, было бы совершенно неправильным. А особенной несправедливостью явилось бы это в отношении тех детей, кои прижиты вне брака, и кои не успели еще добиться присуждения алиментов от своего родителя, или же тех, кои добились уже сего, но, имея исполнительный лист о присуждении алиментов, фактически, как это весьма часто бывает, ничего не получали, и, таким образом, не являлись фактическими иждивенцами покойного. Иначе зато обстоит дело с братьями, сестрами, родителями, дедами, бабушкой и внуками. Право этих лиц на содержание от своих родственников в отличие от права детей, предусмотренного ст. 42 Код. Брачн. и Семейн. РСФСР, является условным и зависящим от целого ряда обстоятельств (нуждаемость; возможность получить содержание от ближайших родственников; состоятельность тех, от кого они отыскивают; наличие у родителей других детей, также обязанных содержать их). В отношении этих лиц надлежит уже требовать наличия фактического иждивенчества. То, что было сказано в отношении детей, должно иметь применение, конечно, и к усыновленным, поскольку, на основании ст. 64 Код. о браке и семье РСФСР, последние приравниваются полностью к детям. Правом на возмещение вреда, причиненного вследствие смерти их родителя, должны пользоваться, конечно, не только уже имеющиеся в наличии дети, но и те, кто был зачат до причинения смерти. Дореволюционный проект гражданского уложения в ст. 2619 прямо даже предусматривал это; но зато не могут быть предъявляемы иски о вознаграждении таких членов семьи получившего увечье, которые были зачаты и появились после причинения повреждения, ибо они никакого ущерба не потерпели.

Понятие иждивенства известно и нашему наследственному праву, но там оно ограничено кругом лиц, находившихся: а) на полном иждивении, б) в течение не менее года, в) если они к тому же нетрудоспособны и немощны. И вот в понятие иждивенцев по ст. 409 ГК, кроме тех, кои в силу самого закона (Код. зак. о браке и семье) имеют право быть таковыми (дети, братья, сестры, родители, дед, баба и внуки), мы считали бы необходимым внести первые два признака, чтобы дать какой-либо определенный критерий для отнесения того или иного лица к иждивенцам умершего и чтобы не расширить пределы

ответственности причинившего вред до того, чтобы он должен был вознаграждать и того, кто пользовался помощью умершего лишь периодически, неполностью или даже случайно.

Второй признак, коим должны удовлетворять лица, претендующие на получение вознаграждения за смерть их кормильца, это—не иметь других средств к существованию. Это требование, выдвинутое ст. 409 ГК, вызвало и в литературе разного рода толкование. По мнению Семеновой, необходимо, чтобы для претендующего на вознаграждение, иждивение, которое умерший предоставлял ему, было не только фактически-источником существования, но и единственно возможным для него источником, что сводится к требованию как нетрудоспособности его, так и отсутствия собственного имущества. По мнению Раевича, ст. 409 ГК должна быть понимаема в том смысле, что возмещению подлежит лишь прожиточный минимум. Но и та и другая точка зрения должны быть признаны неправильными, как находящиеся в резком противоречии с основными положениями нашего гражданского права о возмещении вреда. Мы уже указывали, что вознаграждение за вред имеет целью не обеспечение возможности существования, а восстановление первоначального состояния, т. е. устранение всех тех материальных невыгод, кои повлек за собой причиненный вред, и возвращение всех тех выгод, кои потерпевший от вреда пользовался до его наступления и мог бы пользоваться и впредь. А раз так, то естественно, что выдача семье умершего прожиточного минимума никак не может быть сочтена за полное возмещение вреда. И характерно, что при допущении такого положения то, что должно возмещать вред, было бы значительно меньше того, что выдается страховкой для обеспечения возможности существования. Кроме того, как правильно заметил Кузятин, нет никаких оснований для установления каких-либо льгот для причинителей вреда только по той причине, что жертва его действия умерла, а не осталась жить. А принятие выдвинутого Раевичем положения устанавливало бы эту льготу, ибо потерпевшему, если бы он остался жив, пришлось бы выплачивать полностью его заработок (напр., 60—70 рублей), а семье его, если он умер, лишь прожиточный минимум (на 2 чел., примерно, по 20 руб.). И опять-таки прав Кузятин, когда замечает по этому поводу, что «советский законодатель не мог бы придумать такого закона». Каким же образом надлежит понимать условие отсутствия других средств к существованию? Весьма часто бывает, что семья умершего содержалась не только на средства, доставлявшиеся им, но и на кое-какие другие (имела сельское хозяйство, получала еще от кого-либо на содержание и т. п.) В этих случаях возмещение за вред будет считаться достаточным тогда, когда семье умершего будет выдаваться та сумма с бывшего дохода умершего, которая совместно с другими получаемыми семьей средствами составит то, что семья имела при жизни покойного. Возьмем пример, приводимый Кузятиным. Поезд переехал секретаря ВИК'а, который жил со своей семьей из 3-х лиц на заработок 25 руб. и на доходы от сельского хозяйства 20 руб. в м-ц (итого 45 руб.). Поскольку, таким образом, на 2-х переживших его членов семьи расходовалось 30 руб. в м-ц, полное возмещение вреда будет иметь место лишь тогда, когда к доходу от сельского хозяйства 20 руб. («другие средства к существованию») будет присуждено с причинившего вред по 10 р. в м-ц. Таким образом, ст. 409 ГК, предоставляющую право на вознаграждение лицам, «состоявшим на иждивении умершего и не имеющим других средств к существованию», надлежит понимать в том смысле,

что правом, указанным им, могут пользоваться лишь те из входивших в состав его семьи, для коих имеющиеся «другие средства к существованию» не восполняют того вреда, какой причинен им смертью их главы. И посему лишь тогда семья умершего в только что приведенном примере считалась бы «имеющей другие средства к существованию» и не имела бы права на вознаграждение за смерть главы ее, если бы заработок его равнялся лишь 15 рублям, а доход от сельского хозяйства 30 руб., и, след., смерть главы семьи не лишила последнюю того, что она имела при его жизни.

Но тогда возникает иной вопрос, вопрос о том, до каких же пределов или, вернее, до каких пор обязан выдавать вознаграждение причинивший вред. Ведь вполне возможно, что и сам потерпевший, если бы с ним не произошло несчастного случая, выдавал содержание членам своей семьи или иждивенцам своим не до конца дней их; и поэтому присуждение с причинившего вред выплаты возмещения им за этот вред пожизненно явилось бы несправедливостью в отношении причинителя вреда и делало бы из смерти источник дохода и обогащения для его семьи. Ну, а так как установить тот момент, до коего члены семьи умершего получали бы от него содержание, не представляется возможным, то остается лишь единственный выход—считать этот момент наступающим тогда, когда в силу самого закона он должен был наступить, т. е. когда в силу самого закона члены семьи умершего не имели бы права претендовать на получение от него содержания. А таким моментом будет: а) для членов семьи и иждивенцев-несовершеннолетних—достижение ими совершеннолетия (18 лет); б) для нетрудоспособных—восстановление их трудоспособности; в) для жены, имеющей детей до 8-ми лет,—достижение последними этого возраста, применительно к ст. 189 КЗоТ; г) для жены, безработной,—6 месяцев (а для БССР 9 мес.) применительно к ст. 15 Брачн. Код. РСФСР, предусматривающей содержание для жены в случае развода. Члены семьи же, трудоспособные в момент причинения вреда, претендовать на вознаграждение не могут, если только по обстоятельствам дела можно будет установить, что и при наличии трудоспособности они безусловно получали бы содержание от умершего; в противном случае вознаграждение им должно быть присуждено на срок до 9 месяцев применительно к тому сроку, в течение коего пользуются правом на пособие от страховки безработные.

Но все это, повторяю, конечно, при наличии условия «неимения других средств к существованию» в том смысле, который был указан нами выше, а именно, если эти «другие средства к существованию» при жизни умершего полностью не покрывали собой того, что расходовалось на них. И, только исходя из этих соображений, можно признать, что есть доля истины в выдвинутом Семеновой положении о необходимости нетрудоспособности члена семьи для притязания на вознаграждение за вред. Какова же будет точка зрения по этому вопросу наших верховодов? Те определения их, в коих затронут этот вопрос, выдвигают по вопросу об истолковании ст. 409 ГК следующие положения:

1. «Лицо, состоящее на иждивении двух или нескольких лиц, и в случае смерти одного из них не получающее от остальных всего необходимого для существования, не лишено права на вознаграждение от лиц, виновных в причинении смерти» (опред. Верхов. Суда РСФСР от 7 III 1925 г. по иску Субоч к Анделович и друг.),—положение, подтверждающее высказанную нами мысль о том, что самый факт наличия других средств к существованию

сам по себе отнюдь недостаточен для освобождения причинившего вред от ответственности.

2. «Ст. 409 ГК предоставляется право лицам, состоявшим на иждивении, на полное возмещение вреда» (тоже определение Верх. Суда).

3. По делу Куприяновой к правлению Октябрьской жел. дор. (за смерть Раевского) Верх. Суд РСФСР признал за истицей право на полное возмещение вреда (в виде части заработка, который уделял ей умерший муж), несмотря на потерю ею трудоспособности только на 30%, до окончания ею высшей школы (опред. Верх. Суда от 2 IV 1925 г.),—положение, подтверждающее высказанную нами мысль о возможности присуждения вознаграждения и трудоспособному до момента, до коего умерший, если по обстоятельствам дела можно это предположить с большей вероятностью, выдавал бы на содержание.

4. По делу по иску Карповых к Московско-Курской жел. дор. за смерть главы крестьянского двора, членами коего являлись и истцы, Верх. Суд РСФСР признал, «что при наличии трудового участия в хозяйстве всех членов двора последние не могут рассматриваться находящимися на полном иждивении главы хозяйства, поскольку их труд является в зависимости от трудоспособности самостоятельным источником существования», и что «суд должен был в первую очередь выяснить, в какой степени каждый в отдельности из членов семьи и крестьянского двора состоял на иждивении умершего» (опред. В. С. от 15 IV 1926 г.),—положение, опять-таки подтверждающее нашу мысль о том, что при установлении самого факта состояния на иждивении наличие у потерпевших «других средств к существованию» и прожиточного минимума не освобождает от ответственности.

5. По делу по иску Самохваловых к правлению Северных жел. дор., Верх. Суд РСФСР при наличии у истцов крестьянского хозяйства и пенсии от собеса отнюдь не признал, что они не имеют права на вознаграждение, а лишь предложил выяснить при определении размера вознаграждения общую доходность от крестьянского хозяйства и плюс пенсии (опр. от 16 декабря 1926 г.—«Суд. Арб. Бюлл.» № 9—10 1927 г.).

6. «Суд не мог присудить вознаграждения за убитого на железной дороге его дочери, как достигшей предельного 16-летнего возраста» (определение Верх. Суда РСФСР от 4 XII—24 г. по иску Пинес к Октябрьской жел. дор.),—положение, выдвинутое Верх. Судом потому, что при определении вознаграждения за смерть нужно брать за исходную точку принцип страхования, (ст. 189 КЗоТ), с чем мы ни в коем случае согласиться не можем, поскольку нормы соцстраха имеют в виду не вознаграждение за вред, и исчисляются на совершенно иных основаниях. Верх. Суд УССР также допускал присуждение вознаграждения детям лишь до 16 лет, но у него это имеет достаточно оснований под собой, ибо и родителей он обязывал давать на содержание детям лишь до этого возраста. Закон же РСФСР возлагает такую обязанность на родителей до 18-летнего возраста (см. циркул. Верх. Суда УССР от 25 VI—24 г., за № 28).

7. «В случае смерти кормильца семьи в результате увечья жена его (в случае трудоспособности) имеет право на получение вознаграждения в порядке ст. 409 ГК лишь до достижения младшим ребенком 8 лет в соответствии с ст. 189 КЗоТ» (опред. Верх. Суда РСФСР по делу № 36355—1927 г.—«Суд. Практ.» № 5—1927 г.),—положение, согласное с выдвинутыми нами.

Н. Быховский.

Залоговые свидетельства и момент возникновения по ним залогового права.

С утверждением нового положения о госнотариате (4 октября 1926 г.) и с изменением в связи с этим ст. 90 Гражд. Код. у нас создан, как известно, институт залоговых свидетельств на строения и право застройки. В положении о госнотариате даны лишь основные начала, связанные с установлением залогового права на основании залоговых свидетельств, и не затронуты или не уточнены некоторые очень существенные вопросы, которые неизбежно должны возникнуть в результате применения нового закона.

В настоящей статье мы хотим коснуться одного из таких вопросов, а именно, с какого момента при залоге имущества на основании залогового свидетельства возникает залоговое право на это имущество, с момента ли выдачи залогового свидетельства и наложения по этому поводу ареста (ст. 81 пол. о госнотар.), или с момента принятия подлежащим учреждением имущества в залог и наложения второго ареста (ст. 82).

Поставленный вопрос был уже вскользь затронут в «Еженедельнике» (№ 18), в статье И. Вольман, который высказал мнение, что «по смыслу ст. 90 Гражд. Код. следует притти к выводу, что старшинство залогового права (а, след., и возникновение его? Н. П.) устанавливается с момента выдачи залогового свидетельства». Такой вывод представляется нам не вытекающим из содержания ст. 90 ГК и не согласующимся с сущностью залогового права по Гражд. Код.

Остановимся прежде всего на измененном содержании ст. 90 ГК и посмотрим, дает ли она основания для того вывода, который делает ее И. Вольман. Статья эта находится в третьем разделе Гражд. Код., озаглавленном «Залог имущества»; в первой ее части, оставшейся без изменения, говорится о формах заключения залоговых договоров, а в дополнении, введенном в связи с новым положением о госнотариате, говорится следующее: «Залог строений и права застройки в обеспечение выдаваемых кредитными учреждениями ссуд и в обеспечение договоров с государственными учреждениями или государственными предприятиями производится на основании выдаваемых нотариальными конторами залоговых свидетельств». Как видим, и в дополнении, в полном соответствии с основным содержанием ст. 90, говорящей о формах совершения залоговых договоров, говорится также лишь о форме установления залога в обеспечение договоров с госучреждениями, госпредприятиями и кредитными учреждениями. В виде исключения из общего правила, залог в этих случаях «производится» (а не возникает) «на основании» выдаваемых нотариальными конторами залоговых свидетельств. Залоговые свидетельства определяются как основания для производства залога, но отсюда далеко еще до вывода, что залоговое право возникает одной выдачей залоговых свидетельств. Введение новой формы залога для определенных случаев не заключает в себе отмены основных положений Гражд. Код. о залоговом праве. Это станет более очевидным, когда мы рассмотрим содержание ст. 90 в связи с другими статьями Гражд. Код. о залоговом праве и в связи с соответствующими статьями положения о госнотариате.

Прежде всего нужно отметить, что наш Гражданский Кодекс знает залог лишь в виде дополнительного соглашения, которое устанавливается для обеспечения основного обязательственного требования и сводится к предоставлению кредитору основного обязательственного требования права преимущественного перед другими кре-

дителями удовлетворения из ценности заложенного имущества (ст. 85). Не являясь правом самостоятельным, а служа лишь способом обеспечения основного обязательственного требования, залог уже поэтому не может возникнуть одной выдачей залогового свидетельства. Ведь, залоговое свидетельство есть только свидетельство, только удостоверение о принадлежности строений или права застройки определенному лицу. В нем содержится лишь подробное описание предназначенного к залому имущества, которое, правда, является необходимым, но единственным условием залогового договора (ст. 91 ГК).

При получении из нотариальной конторы залогового свидетельства собственник имущества может даже не знать, в какое именно учреждение будет оно представлено и для обеспечения какого именно основного договора будет им использовано залоговое свидетельство, не говоря уже о том, что оно может быть им и совсем не использовано (ст.ст. 79, 85, 86 пол. о госнотар.). Связывать при таких условиях возникновение залогового права с моментом выдачи залогового свидетельства было бы явно неправильно.

Залог по Гражд. Код. «возникает в силу договора или специального указания закона» (ст. 89). Залоги, устанавливаемые на основании залоговых свидетельств, относятся, конечно, к залогам, которые возникают в порядке договорного соглашения. Поэтому и момент возникновения в данном случае залогового права в согласии со ст. 93 ГК, необходимо искать в связи с моментом заключения договора о залоге.

Одной выдачей залогового свидетельства из нотариальной конторы никакого договора между собственником имущества и другими лицами не заключается. Полученное залоговое свидетельство, как совершенно правильно говорит ст. 90 ГК, служит лишь «основанием» для установления залога. Чтобы использовать это основание по назначению, собственник имущества должен представить залоговое свидетельство в то госпредприятие, государственное или кредитное учреждение, с которым заключен или должен быть заключен подлежащий обеспечению основной договор (ст. 79 пол. о госн.). т.-е. сделать предложение заключить залоговой договор. Но одного представления еще недостаточно, как недостаточно для заключения любого договора предложения, исходящего от одной стороны. Если нет на этот счет особого соглашения, то представление залогового свидетельства ничем не связывает будущего кредитора: указанное в залоговом свидетельстве имущество может быть принято, а может быть и не принято в качестве залогового обеспечения. И лишь после того, как государственное учреждение, государственное предприятие или кредитное учреждение соглашается на сделанное предложение и, на основании представленного залогового свидетельства, принимает указанные в нем строения или право застройки в обеспечение исполнения основного договора и сообщает об этом в нотариальную контору «с указанием суммы залога и времени со ссылкой на выданное залоговое свидетельство» (ст. 82 пол. о госпот.), лишь после этого соглашение о залоге может считаться окончательно заключенным, так как имеются налицо все те условия, которые обязательны для всякого залогового договора (ст. 91 ГК). Только это соглашение, состоявшееся между собственником и кредитором, создает для последнего право на преимущественное удовлетворение из ценности имущества, указанного в залоговом свидетельстве, т.-е. создает залоговое право, так как согласно ст. 93 ГК залоговое право в отношении индивидуально определенных вещей возникает «с момента заключения договора».

Чтобы упростить и облегчить анализ рассматриваемого института залоговых свидетельств, мы исходили из пред-

положения, сравнительно редко наблюдающегося в действительности, что собственник имущества при получении залогового свидетельства не знает еще ни будущего кредитора, ни подлежащего залоговому обеспечению основного договора. Но вывод, к которому мы пришли, о моменте возникновения залогового права нисколько не колеблется и в тех случаях, когда залоговое свидетельство выдается для представления в определенное учреждение и когда между собственником имущества и подлежащим учреждением еще до выдачи залогового свидетельства состоялось соглашение о том, что имущество будет принято в качестве залогового обеспечения. Такое соглашение имеет характер лишь предварительного соглашения об установлении в будущем залогового права; нарушение его может иметь невыгодные последствия для виновной стороны, но оно не способно создать залогового права, так как залоговое свидетельство, хотя бы и выданное для представления в определенное учреждение, может быть все-таки туда не представлено или по представлении, в нарушение предварительного соглашения, не принято подлежащим учреждением в качестве залогового обеспечения.

В связи с нашим выводом о возникновении залогового права, как права кредитора на преимущественное удовлетворение из ценности заложенного имущества, не с момента выдачи залогового свидетельства, а с момента принятия в залог указанного в залоговом свидетельстве имущества подлежащим учреждением, естественно, возникают вопросы, почему же первоначальный арест на имущество накладывается при самой выдаче залогового свидетельства (ст. 81 пол. о госпот.), и какие ограничения в праве распоряжения влечет этот арест для собственника.

В залоговых свидетельствах помещаются сведения о предназначенных к залому строениях или праве застройки и лежащих на них обременениях (ст. 80, 81 пол. о госпот.). Этими сведениями пользуются подлежащие учреждения при решении вопроса о принятии имущества, указанного в залоговом свидетельстве, в качестве залогового обеспечения того или иного договора. Интересы госучреждений, госпредприятий и кредитных учреждений, которым предоставлено право пользоваться льготным порядком совершения залога при помощи залоговых свидетельств, требуют, чтобы сведения, помещенные в залоговом свидетельстве, соответствовали действительности и чтобы собственник имущества был лишен возможности уменьшить ценность этого имущества путем установления новых обременений после выдачи залогового свидетельства. В противном случае самая выдача залогового свидетельства в значительной степени потеряла бы свой смысл.

И вот, чтобы вполне гарантировать верность сведений, помещенных в залоговых свидетельствах, на день выдачи их, самая выдача залоговых свидетельств предоставляется лишь нотариальным конторам, ведущим регистрацию арестов (ст. 78 пол. о госпот.), чем достигается совпадение момента выдачи залогового свидетельства и момента наведения справок об арестах, а для предупреждения возможности со стороны собственников установления новых обременений после выдачи залоговых свидетельств при выдаче последних накладывается арест. В специальном назначении этого ареста и его предварительном характере заключается оправдание тех серьезных ограничений права собственности, которые с ним связаны. Как известно, аресты, лежащие на имуществе, не всегда лишают собственника принадлежащего ему права распоряжения. Заложенные, напр., строения или право застройки не только могут быть заложены еще несколько раз (ст. 94 ГК) с сохранением, конечно, интересов предыдущих залогодержателей по принципу старшинства, но могут быть даже отчужда-

мы с согласия залогодержателя и с переводом долга на нового приобретателя (ст. 126 ГК и § 172 инструкции по нотариату). Наличие в этих случаях определенного долга, обременяющего имущество, делает вполне возможным, без малейшего нарушения интересов залогодержателей, учет этого долга как при последующих залоговых актах, так и при отчуждении заложенного имущества.

Но совершенно иной характер имеет арест, наложенный по случаю выдачи залогового свидетельства. Как мы видели выше, в промежуток времени между выдачей залогового свидетельства и принятием в залог указанного в нем имущества нет еще залогодержателя. Наложение ареста, вследствие его предварительного характера, не содержит в себе никаких сведений ни о сумме долга, ни о сроке его, а поэтому в случаях залога или отчуждения имущества, указанного в залоговом свидетельстве, не было бы никакой возможности учесть его. Эта юридическая невозможность учета в связи с назначением в данном случае ареста заставляет нас прийти к выводу, что собственник имущества со времени выдачи залогового свидетельства и наложения по этому поводу ареста во всяком случае лишен права закладывать или отчуждать это имущество до момента принятия его в залог подлежащим учреждением.

Частичное подтверждение этого вывода можно видеть в § 230 инструкции по нотариату (от 11 декабря 1926 г.), согласно которому новый залог строений или права застройки, состоящих в залоге на основании залогового свидетельства, допускается не иначе, как при условии представления справки «из учреждения, принявшего в залог по залоговому свидетельству, о размере долга, обеспеченного имуществом»... А так как эта справка может быть выдана лишь после принятия имущества в залог, то лишь после этого возникает и право дальнейших залогов. В промежуток же времени между выдачей залогового свидетельства и принятием, на основании этого свидетельства, имущества в залог совершение новых залоговых актов не допускается.

Нотариус Н. Писаревский.

Сев.-Кавказский край, г. Майкоп.

Общества взаимного кредита и должностные преступления *).

Недавно в судебной практике возник вопрос: можно ли членов органов управления (правления, совета) обществ взаимного кредита привлекать к ответственности по статьям должностных преступлений—110, 111, 113 и другим ст.ст. УК.

Сторонники утвердительного ответа на этот вопрос в подтверждение своего мнения приводят нижеследующие мотивы.

В виду того, что в общества взаимного кредита, помимо торгово-коммерческого элемента, могут входить и служащие и рабочие, то этим самым эти общества, да по целям и задачам, которые они преследуют,—заимопомощь,—приобретают характер кооперативных, общественных учреждений.

Кроме того, эти общества являются, якобы, вспомогательными органами государственного кредита, т.-е. осуществляют общегосударственные задачи. И в доказательство этого последнего довода указывают на то обстоятельство, что ОБК регистрируют свои уставы в Валютном Отделе НКФ, поднадзорны и подконтрольны

последнему, и что если бы эти о-ва не выполняли общегосударственных задач, то и не было необходимости регистрировать их в Валютном Отделе НКФ и вести со стороны государства за ними наблюдение, контроль и, иной раз, направлять их деятельность по соответствующему руслу.

Но с подобного рода точкой зрения и аргументацией ни в коем случае нельзя согласиться.

Примечание 1 к ст. 109 УК устанавливает признаки, которыми определяется понятие должностного лица, т.-е. лица, занимающего должность в организации, на которую законом возложены права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, профессиональных или других общегосударственных задач. Таким образом, следует выяснить, являются ли ОБК частично-капиталистическими предприятиями, по отношению к которым прим. 1 к ст. 109 УК не применимо, или же они являются организациями кооперативными или «общественными», на которые возложены обязанности, предусмотренные этим примечанием.

ОБК суть товарищества с ограниченной ответственностью, в которые не входит и не могут входить ни государственные, ни кооперативный капиталы, и состоят из членов-частных лиц, коим необходимы «капиталы для их оборотов».

Если мы возьмем § 1 нормального устава ОБК, то уже сразу определяется характер и сущность (далекая от кооперативных) этих предприятий: «общество взаимного кредита имеет целью доставлять своим членам необходимые для их оборотов капиталы».

Для каких же оборотов необходимы членам ОБК капиталы?

Да, конечно, для торговых, коммерческих, ибо для предоставления трудящимся—кустарям, ремесленникам, земледельцам—необходимых средств для их хозяйственных и промысловых нужд существуют совсем иные, действительно кооперативные организации: промкредсоюзы, кредитсельсоюзы, кредитно-трудовые товарищества и пр.

Общества взаимного кредита, объединяя частный капитал, преследуют цели исключительно извлечения прибыли на капитал. Идея же кооперативных товариществ—соединение труда и имущественных средств отдельных лиц для определенных общих хозяйственных достижений. Конечная цель кооперативного товарищества—улучшение материального положения, условий труда и быта членов т-ва (трудящихся), достигаемое посредством организации членами т-ва или совместного ведения хозяйства или же совместного личного труда и совместного сбыта продуктов личного труда. Таким образом, кооперативные т-ва объединяют личные трудовые хозяйства, а ОБК—частный капитал. Тогда что же «кооперативного» в ОБК?

Если по целям и задачам, которые преследуют ОБК, последние не являются кооперативными организациями, то, может быть, по характеру, по способу кредитования своих членов они являются таковыми?

Возьмем самый в этом отношении рельефный факт.

Каждый член ОБК, по уставу, пользуется кредитом в кратном (обычно в 10) против внесенного им в о-во пая, и ответственность по убыткам о-ва также кратная против открытого кредита. За пользование этими кредитами установлен довольно высокий %—не менее, в большинстве случаев, 36%. Коммерсант, благодаря торговым оборотам, может внести эти 36%, т. к. обороты его дают ему возможность не только возратить взятые в кредит деньги с 36%, но еще и получить прибыль от той или иной торговой операции. Может ли служащий или рабочий, или даже какой-либо кустарь, ремесленник уплатить та-

*) Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

ание % при отсутствии этих «оборотов»? Конечно, нет, и такой % для трудового элемента является ростовщическим. Никакая истинно кредитно-кооперативная организация не создает для членов своих такие кабальные условия кредитования.

Характерен также и тот факт, что по ликвидации кредитно-кооперативных организаций согласно существующим законоположениям и утвержденным для этих организаций нормальным уставам оставшееся по ликвидации имущество должно быть обращено на «кооперативные или общественные нужды», в то время как конечная цель ОВК, как не кооперативных и не общественных организаций, совсем иная: после ликвидации ОВК оставшееся имущество распределяется между членами о-ва согласно внесенным паям и открытым кредитам.

Если мы сойдемся на декрет ВЦИК и СНК от 24 января 1922 г. о кредитной кооперации («С. У.» 22 г., № 12, ст. 110), то в п. 1 этого декрета определяется с достаточной полнотой и ясностью, что должна представлять из себя кредитная кооперация: кредитные и ссудо-сберегательные т-ва для предоставления своим членам льготных ссуд (а не в 36%), на удовлетворение их хозяйственных нужд (а не для «оборотов»), для планомерного и целесообразного объединения денежных средств отдельных членов т-ва в целях удовлетворения более крупных хозяйственных нужд (опять-таки—не для торговых оборотов), для приобретения требуемых в промыслах и хозяйствах членов т-ва инвентаря, материала, сырья и предметов оборудования, и для посредничества по сбыту продуктов труда членов т-ва. След., этот пункт декрета о кредитной кооперации, определяющий цели и задачи этой организации и характер деятельности ее, исключает возможность применения термина «кооперативное» к ОВК.

Таким образом, ОВК, не являясь организациями кооперативными по характеру своему и существу, не являются таковыми и с формальной стороны.

Как в существовавших ранее постановлениях, так и в последнем постановлении ЦИК СССР от 18 января 1927 г. «об утверждении положения о кооперативном кредите» («Изв.» от 26/1—27 г., № 20) нигде не упоминается об ОВК, как о кооперативных организациях. Поименованное постановление, наоборот, рассеивает всякое сомнение в этом отношении. Например, п. 2 этого положения говорит о том, что «кредитно-кооперативные т-ва имеют основной целью: а) обслуживание производственных нужд кооперированного им населения путем предоставления денежного кредита; б) облегчение населению сбережения и накопления денежных средств» (а не извлечения прибыли путем торговых оборотов). Пункт же 6 этого положения устанавливает, что «членам кредитно-кооперативных организаций не разрешается состоять одновременно членами других кредитно-кооперативных организаций, а также о-в взаимного кредита». Таким образом, если бы последние (хотя бы и «по характеру» и по «подобию») принадлежали к числу кредитно-кооперативных организаций, тогда в законе не было бы необходимости указывать на ОВК в отличие от кредитно-кооперативных организаций. И, наконец, кредитно-кооперативным организациям целым рядом узаконений предоставлены различные льготы и привилегии: по налогам, гербовому сбору, взысканию с должников в бесспорном порядке, в то время как этими льготами ОВК не пользуются.

Может ли и должно ли то обстоятельство, что членами ОВК имеют право быть помимо торгового-коммерческого элемента и представители трудового элемента—служа-

щие—изменить сущность и характер деятельности ОВК? Конечно, нет. Если бы даже большинство членов какого-либо ОВК и принадлежало к разряду служащих (чего никогда не бывает и не может быть в действительности), то все же такое ОВК представляет из себя только т-во с ограниченной ответственностью, частного характера, не кооперативного, целью которого будет служить предоставление членам своим необходимых капиталов для их оборотов, извлечение прибыли на капитал. От участия служащего элемента в ОВК последние не меняют ни структуры своей, ни характера деятельности, не приобретают каких-либо прав и льгот, предоставленных законом кредитно-кооперативным организациям.

А утверждение, что ОВК являются подсобными органами государственного кредита и помогают последнему распределять таковой и через ОВК, совершенно неправильное, ошибочное.

Что же касается того обстоятельства, что ОВК регистрируют свои уставы в Валютном Отделе НКФ и подконтрольны последнему, то это обстоятельство не играет никакой роли в смысле придания этим обществам значения кооперативных или «общественных» организаций. Государственная власть, допуская наряду с государственными организациями и предприятиями и частно-капиталистические, для того, чтобы направить деятельность этих последних по известному руслу, должна была установить наблюдение и контроль за этими предприятиями, а даже более—частными лицами, занимающимися торговлей.

И в силу того же закона, на основании которого ОВК должны регистрировать свои уставы в Валютном Отделе НКФ и находиться под его контролем («положение о НКФ»—«Изв.» от 7/II—26 г., № 31), последний ведет наблюдение за другими частно-капиталистическими организациями, точно так же, как существует надзор специальных государственных органов над частной торговлей.

Кстати, в то время как ОВК должны регистрировать свои уставы в Валютном Отделе НКФ, кредитно-кооперативные о-ва (циркуляр НКФ от 5/II—27 г. № 350) в отличие от ОВК регистрируют свои уставы в местных УФО (льгота, предоставленная кредитно-кооперативным организациям для более быстрого разрешения вопроса, связанного с созданием этих т-в).

И, наконец, для того, чтобы поставить кредитно-кооперативные т-ва на должную высоту, за деятельностью этих т-в установлен специальный надзор и инструктирование соответствующими инспекторами (циркуляр НКФ № 434 от 12/II—26 г.—«Бюлл. НКФ РСФСР»—26 г. № 191/36), каковой надзор за ОВК законом не установлен.

Таким образом, ОВК ни с фактической, ни с формальной стороны не являются ни в какой степени кооперативными организациями.

А являются ли ОВК такими «общественными» организациями, на которые возложено законом выполнение общегосударственных задач? Безусловно нет, т. к. под общественным учреждением следует понимать такие организации, которые не преследуют цели извлечения прибыли для своих членов, а преследуют общественные цели (раз'яснение III Отдела НКЮ за № 161 от 15/II—23 г.).

Следовательно, ОВК, не являясь по характеру и существу ни кооперативными, ни «общественными» организациями, представляют из себя только частно-капиталистические организации, на которые законом не возложено выполнение общегосударственных задач, и, следовательно, распространительное толкование примечания 1 к ст. 109 УК в отношении ОВК безусловно не может иметь места.

3. Шенс.

Казахская АССР, г. Аули-ата.

Преступность в РСФСР по данным всесоюзной переписи.

Во время всесоюзной переписи населения 17/18 декабря 1926 г. в РСФСР, по соглашению с Центральным Статистическим Управлением СССР, в общий текст личного листка были введены дополнительные вопросы, специально касающиеся лишенных свободы и исправительно-трудового воздействия, в отношении их, как, например, о сроках осуждения, о рецидиве, о работе в мастерских, о культурно-просветительной работе и т. д. Листки заполнялись в двух экземплярах и дубликаты были оставлены в распоряжение Главного Управления Местами заключения, которое для статистической разработки передало их Государственному Институту по изучению преступности и преступника.

Полная разработка листков в связи с общими данными переписи всего населения займет около двух лет. Но та часть работы, которая уже проделана, и данные, полученные в результате этой работы, представляют первостепенный по качеству и ценности материал. Личные листки разработаны в отношении деления заключенных по преступлениям, по полу, по срокам осуждения, по рецидиву. Полученный материал, не давая еще возможности вскрыть полностью картину преступности страны, позволяет все же установить наиболее характерные ее черты и сделать на основании объективного материала некоторые выводы в области карательной и судебно-исправительной политики.

Прежде всего, как распределялись заключенные по родам преступности? Это видно из следующей таблицы:

Из каждых 100 заключенных было осуждено:

За какое преступление	Мужчин.	Женщин.	Всего.
Контрреволюционные	1,41	0,6	1,3
Против порядка управления	28,7	31,67	29,0
Должностные	12,8	2,2	12,0
Нарушение правил об отделении церкви от государства	0,0	0,0	0,0
Хозяйственные	0,5	—	0,5
Против личности	22,8	24,0	22,9
Имущественные	32,0	36,6	32,5
Воинские	0,9	—	0,9
Остальные	0,9	2,2	1,0

При рассмотрении таблицы нужно иметь в виду, что хулиганство, согласно построения особенной части Уголовного Кодекса в ред. 1926 г., отнесено к преступлениям против порядка управления. Если же его отнести, как это делает Уголовный Кодекс 1922 г., к преступлениям против личности, то % преступлений против порядка управления понизится с 29,0% до 11,6%, а процент преступлений против личности повысится с 22,9 до 40,3%, т. е. преступления эти займут по числу осужденных за них заключенных первое место. Без этого искусственного перемещения хулиганства, первое место, как видно, занимают преступления имущественные, второе место—преступления против личности и третье—против порядка управления.

Наименьшее количество приходится на долю осужденных за нарушение правил об отделении церкви от государства. В таблице участие этой группы преступлений обозначено 0,0%, так как абсолютные цифры (20 заключенных мужчин и ни одной женщины) слишком ничтожны, чтобы отразиться даже в десятых процента. Крайне невелико число осужденных за хозяйственные и контрреволю-

ционные преступления. На одном из последних мест стоят преступления воинские.

Сравнение полученных данных о распределении заключенных по отдельным группам преступлений с таким же распределением за 1923—1926 годы дает следующую таблицу, при составлении которой данные за предыдущее время заимствованы из статистических обзоров НКВД.

	1923 г. IV—VII.	1924			1925			1926 г. I—VI.	По данным переписи
		VI—IX	IX—X	X—XI	I—III	III—VI	VI—VII		
Контрреволюц.	6	4	3	2,9	2,7	3,0	2,5	—	1,3
Против порядк. управления	9	7	6,6	7,4	7,7	6,7	6,4	8,0	29,0
Должностные	8	8	7,4	8	8,4	9,6	11,5	17,7	12,0
Против личности	9	18	19,2	21,4	23,2	23,5	23,4	29,0	22,8
Воинские	8	6	5,2	—	2,5	2,8	3,4	—	0,9
Имущественные	47	42	43,5	33,2	41,9	38,7	44,7	37,3	32,5
Прочие, в том числе хозяйств. и друг.	13	15	13,9	18,6	13,8	10,7	8,1	8	1,05

Резкое повышение заключенных за преступления против порядка управления объясняется переводом в эту группу хулиганства. Если вычесть 17%, приходящихся на заключенных за хулиганство, то рост преступлений против порядка управления окажется незначительным. По этой же причине преступления против личности дают видимое только понижение. На самом деле именно эта группа преступлений обнаруживает значительный рост, связанный в известной степени с свободной продажей очищенного в известной степени с свободной продажей хлебного вина: большое число преступлений против личности—это преступления имущественные. Характерно и неуклонное понижение контрреволюционных преступлений.

Женщина в преступности занимает незначительное место. Из общего числа всех заключенных, по данным переписи, мужчин—94,1%, а женщин—5,9%. Такое соотношение является в советской статистике мест заключений нормальным, при чем за последние годы обнаруживается продолжающаяся тенденция к уменьшению роста женщины в преступности. Так из каждых 100 заключенных было:

В 1923 г.	92,1% мужчин и 7,9% женщин.
„ 1924 г.	92,2% „ „ 7,8% „
„ 1925 г.	92,6% „ „ 7,4% „
„ 1926 г.	94,1% „ „ 5,9% „

Конечно, по отдельным преступлениям участие женщины в преступности различно. По одним оно падает до минимума (например, половые преступления, должностные), по другим, наоборот, дает чрезмерно высокий процент. Так, например, из общего числа заключенных за посылку заведомо краденого на долю женщин выпадает 14%, за оскорбление—41,6%, за клевету—46,6%, за приготовление и сбыт самогона—48,3%. Это типичные женские преступления.

Также и по отдельным группам преступлений роль женщины в имущественных преступлениях значительна. Из каждых 100 заключенных женщин 38% осуждено за эти преступления. На втором месте стоят преступления против порядка управления—33,7%, на третьем преступления против личности—24,1%. Роль женщины в остальных группах ничтожна.

Среди заключенных мужчин больше всего осужденных также за имущественные преступления, а именно 33,9% общего количества мужчин заключенных; на втором месте

осужденные за преступления против порядка управления—27,6%; на третьем против личности—22,7% и на четвертом должностные—12,7%.

Если рассматривать состав заключенных по участию в отдельных преступлениях, то оказывается, что из каждых 100 мужчин осуждено: за кражу 23,4%, за хулиганство—17,9%, за растрату—9,2%, за убийство—9% и т. д. Среди женщин кражи также занимают первое место—28,5%, но на втором находится приготовление и сбыт самогона—21,5%, на третьем убийство—10,9%.

До переписи 1926 г. процент рецидивистов среди заключенных исчислялся в 12—13%. Перепись дает новые данные, заставляющие более пессимистически смотреть на рецидив и его роль в преступности в РСФСР. В капиталистических странах процент рецидивистов среди заключенных колеблется между 50 и 70%. Данные переписи показывают, что в местах заключения РСФСР процент этот много ниже, но все же достаточно высок, чтобы заставить обратить на себя серьезнейшее внимание. Следует указать при этом, что личные листки заполнялись со слов заключенных без проверки по личным делам и что необходимо поэтому считаться с тем, что часть заключенных скрывает из различных побуждений свою прошлую судимость. Несомненно, таким образом, что число несудившихся несколько преувеличено, число же указавших на предшествующую судимость соответственно преуменьшено. Далее, около 10% заключенных вовсе уклонилось от ответа на вопрос о судимости. Если выбросить из общего счета эти 10% и считать, что остальные заключенные дали точные сведения о судимости, то окажется все же, что рецидивистов в местах заключения имеется: мужчины 23%, женщины 31%. Если считать, что половина уклонившихся от ответа в действительности рецидивисты, то процент судившихся повысится у мужчин до 26,3% и у женщин до 33,1%.

Число судимостей у рецидивистов невелико. Из общего числа судившихся судилось два раза—71%, три раза—17%, четыре и более раз—12%.

По отдельным группам преступлений, за которые осуждены заключенные рецидивисты, они распределяются следующим образом:

По каким преступлениям.	Процент рецидивистов к общему числу осужденных по данной группе преступников.	
	Мужчин	Женщин
Нарушение правил об отделении церкви от государства	8,3	—
Контрреволюционные	9,6	11,4
Хозяйственные	9,5	—
Должностные	9,6	12,2
Против личности	12,4	13,1
Против порядка управления	19,4	31,8
Воинские	22,0	—
Имущественные	40,0	43,2

Таблица обнаруживает прежде всего, что наиболее высокий процент рецидивистов падает на осужденных за имущественные преступления. Наиболее же низкий процент дают преступления контрреволюционные и нарушения правил об отделении церкви от государства.

С другой стороны, таблица обнаруживает, что в то время, как роль женщины в преступности во много раз меньше роли мужчины, в отношении рецидива картина получается обратная: по всем без исключения группам преступлений, вообще совершаемым женщинами, процент рецидивистов выше, чем среди мужчин.

Наиболее полный и точный материал содержат данные переписи, относящиеся к срокам лишения свободы, на которые приговорены заключенные. Эти данные представляют особый интерес для работников пенитенциарного дела. Но не менее интересны они и как материал, дающий возможность судить о карательной политике судов.

Распределение заключенных по срокам осуждения представляется в следующем виде:

Приговорены на срок:

До 15 дней	1,1%
От 15 „ до 1 месяц	4,2%
„ 1 мес. „ 2 „	5,5%
„ 2 „ „ 3 „	8,8%
„ 3 „ „ 4 „	2,6%
„ 4 „ „ 5 „	0,6%
„ 5 „ „ 6 „	10,9%
„ 6 „ „ 1 года	17,9%
„ 1 года „ 2 лет	15,5%
„ 2 лет „ 3 „	11,7%
„ 3 „ „ 5 „	10,9%
„ 5 „ „ 8 „	6,4%
„ 8 „ „ 10 „	4,2%

Итого 100%

Оказывается, что 5,3% заключенных приговорены на срок до 1 месяца, т.-е. на срок, настолько краткий, что он не дает возможности исправления и не может никого утешить, но может зато испортить заключенного, выбить его из обычной колеи, лишить его постоянной работы или службы, сделать безработным и вероятным кандидатом в рецидивисты. Заключенных на срок до 6 месяцев было в день переписи 33,7%, а на срок до 1 года—51,3%.

Эти цифры сигнализируют необходимость пересмотра статей УК, устанавливающих минимальный срок лишения свободы, а также необходимость категорических директивных указаний судам о бережном пользовании краткосрочным лишением свободы и о максимальной замене его другими мерами социальной защиты.

Изучение данных переписи позволяет установить и некоторые принципы, которыми суды руководствуются при назначении меры лишения свободы. Прежде всего, можно говорить при этом о влиянии пола на сроки лишения свободы.

Бесспорно, что репрессия в отношении женщин отличается большей мягкостью в сравнении с репрессией по отношению к мужчинам. Женщины приговариваются гораздо чаще, чем мужчины, к кратким срокам и гораздо реже к длительным. Это сказывается не только на общем числе приговоренных к тому или иному сроку лишения свободы, но и при рассмотрении репрессии по отдельным преступлениям. Какие бы преступления мы ни брали, даже те, в которых участие женщины наиболее велико, и даже более значительно, чем у мужчин, всегда мы наблюдаем, что репрессии в отношении женщин мягче, чем репрессии в отношении мужчин. Это относится не только к женщинам, осужденным впервые, но и к женщинам-рецидивисткам.

Если иметь в виду, что Уголовный Кодекс в редакции 1922 и 1926 г. (ст. 47) считают рецидив обстоятельством, отягчающим и, не ограничиваясь этим общим указанием, по ряду отдельных преступлений усиливает санкцию в случае повторности однородного преступления, то вполне естественно, что и данные переписи указывают на более усиленную репрессию в отношении рецидивистов.

Из следующей таблицы видно, что не только репрессия в отношении рецидивистов сильнее, чем в отношении

преступников впервые, но что и по мере увеличения числа предыдущих судимостей репрессия становится сильнее:

Приговорены на срок	Несудимых 6%	Судившиеся 6%			
		1 раз	2 раза	3 и более	В общем
От 1 дня до 1 мес.	6,2	2,0	0,9	0,5	4,9
" 1 мес. " 3 "	16,6	9,7	5,4	4,2	8,3
" 3 " " 6 "	13,0	14,9	15,0	13,4	14,8
" 6 " " 1 года "	16,0	19,1	23,1	23,5	20,4
" 1 года " 2 лет "	14,2	19,2	21,4	26,0	20,3
" 2 лет " 3 "	11,8	11,3	12,4	11,2	11,4
" 3 " " 5 "	11,4	11,3	9,9	9,7	10,8
" 5 " " 10 "	10,8	12,5	11,9	11,5	12,2

Как видно из таблицы, чем ниже срок, тем больше приговаривается к нему несудившихся ранее и тем реже судившихся. Это является правилом в отношении сроков до 1 года. Начиная с 1 года и выше наблюдается обратное явление: чем выше срок, тем более осуждений падает на долю судившихся и меньше на долю несудившихся. Некоторое исключение представляют только сроки от 2 до 5 лет. Однако, за счет этого срока увеличивается число рецидивистов, приговоренных на срок от 5 до 8 лет.

Анализ репрессии по отдельным группам преступлений дает ту же самую картину.

Наконец, данные переписи показывают, что женщина-рецидивистка подвергается более мягкой репрессии, чем мужчина-рецидивист.

Приведенные данные развертывают картину преступности в отношении числа преступников, распределения их по полу, совершенным ими преступлениям, предыдущей судимости и срокам заключения. Не обработаны еще данные переписи, относящиеся к возрасту, грамотности, социальному составу, участию в культурно-просветительной работе и в трудовых процессах в местах заключения.

Но и приведенные выше данные дают обильный материал для различных практических выводов как в области судебной, так и в области пенитенциарной политики. Распределение заключенных по отдельным преступлениям дает возможность установить те группы преступлений, по которым размах репрессии оказывается чрезмерно большим. К числу таких преступлений следует, например, отнести хулиганство. Вряд ли оправдывается необходимость нахождения в общем числе заключенных 17% осужденных за хулиганство. Распределение заключенных по срокам свидетельствует о чрезмерном пользовании судами своим правом осуждать на краткие сроки лишения свободы, измеряемые днями, неделями и месяцами. Большое число заключенных рецидивистов указывает на необходимость принятия особых мер для борьбы с рецидивом и профессиональной преступностью. И законодательные органы, и судебные и исправительно-трудовые учреждения должны выделить эту категорию заключенных, если характер и степень рецидива свидетельствует об особой общественной их опасности, индивидуализировать подход к ним, вводя меры социальной защиты (неопределенные приговоры, ссылка), избегая краткосрочного заключения для них и направляя их в специально для них отведенные места заключения, в которых режим, педагогические мероприятия и рабочие части должны быть организованы, исходя из предположения трудности их исправления.

Этими моментами не исчерпывается, конечно, значение материалов, полученных путем разработки данных переписи. Практические работники смогут сделать на их основании и многие иные выводы. Рациональная борьба с преступностью возможна только тогда, когда преступ-

ность всесторонне изучена, когда на опыте проверена действительность применяемых к ней мер социальной защиты, их целесообразность, а также правильность применяемых при установлении и применении репрессии методов.

Данные переписи, только первые беглые итоги которой изложены в настоящей статье, дают обильный материал для изучения явлений преступности и многочисленных вопросов, связанных с полученными в результате переписи данными.

Б. Утевский.

Страница практика.

Арбитражные комиссии и подсудность.

Для разрешения имущественных споров государственных учреждений и предприятий, согласно положения, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 12 января 1925 года («С. У.» № 6 ст. 46—25 г.), учреждены арбитражные комиссии. По силе ст. 1 положения об АК, арбитражные комиссии организуются также при губернских исполкомах крупных хозяйственных центров.

В силу ст. 4 положения, список крупных хозяйственных центров, в коих должны быть учреждены АК, составляются БАК и утверждаются ЭКОСО РСФСР.

Издание этого положения вызвало стихийное учреждение арбитражных комиссий при всех губисполкомах. Такое положение вещей привело к тому, что в 1927 году многие арбитражные комиссии при губисполкомах были ликвидированы и оставлены только в действительно крупных хозяйственных центрах, а, например, в Казахстане их совсем почти не осталось.

Ст. 5 положения об АК очерчен круг дел, только изъятых из подсудности этих последних, как напр.: а) споры госучреждений и предприятий, состоящих на государственном и местном бюджете одного ведомства; б) споры, возникающие из операции Госбанка и Гл. Упр. Госстраха, в случае, когда они являются истцами или ответчиками; в) споры, вытекающие из договоров железнодорожной перевозки и с п.т. ведомством об ответственности за почтовые отправления; г) споры по протестованным векселям, не основанным на иных договорных отношениях; д) споры, вытекающие из договоров пользования муниципализированными помещениями и коммунальными услугами (телефон, электросвет, водопровод и т. п.), и е) споры по обложению налогами и по исполнению бюджетов. Все же остальные споры, из каких бы оснований они ни вытекали, подсудны арбитражным комиссиям.

Из требований ст. 5 положения видно, что госучреждения и предприятия свои споры обязательно должны передавать на рассмотрение арбитражных комиссий. Исключение из этого правила допущено только тогда, когда истцами или ответчиками с одной стороны являются кооперативные организации и смешанные акционерные общества, от коих требуется согласие на передачу споров в арбитражную комиссию.

Во время существования арбитражных комиссий при всех губисполкомах в разрешении своих споров госучреждения и предприятия никаких затруднений не встречали. Факт ликвидации арбитражных комиссий при многих исполкомах натолкнул на ряд вопросов и неясностей в вопросах о подсудности.

Такими вопросами стали: а) дальность расстояния до арбитражных комиссий, иногда доходящая до 3.000 и более километров; б) невозможность покрытия расходов по посылке представителя из сумм, присужденных в порядке ст. 46 Гр. Пр. Код. арбитражной комиссией при удовлетворении иска; в) затяжка дела при дальности расстояния до АК и необходимости быстрого рассмотрения и г) есть ли возможность, во избежание излишних расходов и скорейшего решения дела, предъявления иска в судах, существующих на территории губернии. Все эти вопросы не могут найти себе должного решения, т. к. они наталкиваются на жесткое требование ст. 5 положения об арбитражных комиссиях, устанавливающее, что «арбитражным комиссиям подведомственны всякого рода имущественные споры государственных учреждений и предприятий из каких бы оснований они ни вытекали». Ст.ст. же 21 и 23 ГПК также на этот вопрос не дают никакого ответа. Их правила, хотя и дают общее указание о родовой и территориальной подсудности исков и тубисков, но не умаляют между тем и требования ст. 5 положения об арбитражных ко-

миссиях. Поэтому, хотя иск и незначительный, всего в несколько тысяч рублей, и с успехом может быть решен судом, находящимся в пределах губернии (губсуд), истцу все же приходится за тысячи километров таянуться в арбитражную комиссию, а губсуд не может принять, ибо дело ему неподсудно.

Когда закончен восстановительный период нашего хозяйства, когда перешли к его реконструкции и капитальному строительству, в этот ответственный момент, требующий от нас напряжения всех сил и внимания, требующий быстроты разрешения всех хозяйственных вопросов, а в частности и разрешения споров, не должно быть тех неясностей, тех неувязок, которые в той или иной мере тормозят этому великому делу, создают волокиту и излишние ненужные расходы. Вопросы подсудности между судами должны быть ясными и точно определенными.

Тот факт, что арбитражные комиссии существуют не повсеместно, что не по всем спорам нужно применение тех начал, кои преподаны в ст. 10 положения для арбитражных комиссий, наталкивается на мысль, что такое жесткое определение подсудности дел для госучреждений и предприятий, как проведено в положении, в данных условиях к 10 годовщине существования Советской власти не может признаваться в полном его объеме жизненным. Такое положение вещей может быть сохранено только для тех губерний, где существуют арбитражные комиссии, а для остальных должно быть сделано исключение.

Губернские и народные суды достаточно выросли и с успехом многие споры между учреждениями и предприятиями могут разрешить, например, по искам, вытекающим из договоров: 1) купли-продажи, 2) комиссии, 3) поручения, 4) займа и других.

Делая из сказанного вывод, приходится заключить, что как положение об арбитражных комиссиях в ст. 5, так и ГПК в ст.ст. 21 и 23 должны получить соответствующее изменение и уточнение.

1. Ст. 5 положения должна измениться в том смысле, что арбитражным комиссиям должны быть подсудны только такие имущественные споры между госучреждениями и предприятиями, кои вытекают: а) из права пользования имуществом, б) из договоров подрядов и поставок, заключаемых в порядке положения о подрядах и поставках, в) вытекающие из начал планирования производства и г) по искам, хотя и вытекающим из договоров, не в особо крупных размерах, ставящих одно из них под угрозу правильного развертывания своей работы, как хозяйственно необходимого целого.

2. Ст.ст. 21 и 23 ГПК должны быть в соответствии с вышеприведенным надлежащим образом уточнены, чтобы не вызвали сомнений, какие именно иски между госучреждениями и предприятиями, подлежат рассмотрению нарсудов и губсудов.

Член Акмолинского губсуда **Безпалько.**

Казахская АССР, гор. Петропавловск.

Общественное обвинение в деревне.

Институтом общественных обвинителей мы прежде всего гарантируем прокуратуру от извращения классовой линии, укрепляем сознание трудящихся в том, что каждый из них сам должен защищать закон от нарушений (от кого бы эти нарушения ни исходили). Таково основное значение института общественных обвинителей. Здесь мы имеем в виду заострить вопрос о тех трудностях вовлечения крестьян от сохи и рабочих от станка в институт общественных обвинителей. О гор. Туле, как центре рабочем, мы говорить не намерены, ибо Туле, как «Красной Кузнице», имеющей всеозвучную славу, и карты в руки: она сможет при помощи партийных и др. организаций оживить и значительно увеличить выступления общественных обвинителей рабочими от станка даже на 75%. Другое дело периферийные организации. Тут дело много труднее. Отсутствие испытанного кадра рабочих от станка и крестьян-активистов вынуждает участковую прокуратуру ограничиваться кадрами общественных обвинителей, состоящих в большинстве своем из ответственных партийных и советских работников, и к тому же в сильной степени загруженных своей непосредственной работой. Какие причины этого весьма нежелательного недокомплекта состава общественных обвинителей крестьянами от сохи и рабочими от станка? Причины кроются, главным образом, в слабом культурном уровне наших сельских захолустьев, полном старинных, патриархальных традиций, где господствует боязнь «крас-

ного петуха», могущего вторгнуться в лице социально-опасного элемента, мстящего общественнику-крестьянину, создающему вокруг себя твердый авторитет и уважение и выявляющему на процессах явную свою деревню. Положение этого общественного обвинителя, выступающего в судебных процессах, много хуже положения селькора, т. к. у последнего имеется то преимущество, что он (селькор) может свое имя скрыть и тем самым не подвергаться явным угрозам от элементов, стремящихся установить власть «кулачного права» на деревне, элемента, рьяно защищающего принцип невмешательства в «чужие дела» и регламентирующий принцип пассивного созерцания преступных явлений деревни («моя хата с краю—ничего не знаю»).

Учсть условия работы деревенского общественного обвинителя необходимо как можно объективнее, без излишнего оптимизма, имея в виду усиливающийся гражданский оборот и отношения, из него вытекающие. Вот почему мы считаем своевременным вновь поднять вопрос о предоставлении общественным обвинителям прав, предусмотренных 2 ст. ГПК, т.-е. права выступать в защите гражданских интересов женщин, детей, батрачества на основаниях, коими пользуется прокуратура. Мы считаем, что усиление внимания к оживлению работы общественных обвинителей должно выразиться в следующем:

1) Необходимо ускорить включение в сметы местных РИК'ов средства на оплату суточных общественных обвинителей («С. У.» № 51, ст. 355—27 г.) и этим самым «узаконить» экономическую базу обвинителей.

2) Поднять вопрос в законодательных учреждениях о расширении прав общественных обвинителей, в соответствии с правами, предусмотренными 2 ст. ГПК.

3) Включить в план работ АПО райкомов ВКП (б) политико-воспитательную работу среди общественных обвинителей в форме привлечения их в партшколы на общих основаниях с членами Партии.

4) Усилить привлечение женщин-активисток к работе в качестве общественных обвинителей.

Изложенное, конечно, исчерпывающим не является, но на первых порах этого вполне достаточно, чтобы работа с институтом общественных обвинителей оживилась.

Прокурор Н. Порай-Кошиц.

гор. Богородицк Тульской губ.

Борьба со знахарством.

Тов. Попова («Е. С. Ю.» № 35—27 г.) смущает ст. 180 УК, устанавливающая наказуемость занятия знахарством как профессией; ему кажется непонятным, что значит «как профессией».

Между тем, этот вопрос не должен на практике вызывать никаких затруднений.

Как здесь обстоит дело? Что такое занятие врачеванием, как профессией? Из ст. т. Попова видно, что он понимает занятие знахарством, как профессию, в том смысле, что какое-нибудь лицо исключительно этим и занимается, и за свои услуги берет деньги. А если знахарством занимается хлебопашец или кузнец, по мнению Попова, здесь как-будто нет состава преступления или это деяние под ст. 180 УК не подходит? Такое мнение безусловно неправильно. Откуда вытекает, что знахарь должен быть только знахарем и никем больше? Почему не должен наказываться кузнец, систематически занимающийся знахарством? Ясно, что такой кузнец подлежит уголовной ответственности и именно по 180 ст. УК без всяких сомнений, так как требования исключительно этого занятия знахарством ст. 180 УК не имеет.

То же самое относится и к второму доводу т. Попова, т.-е. к тому, что не подходит под 180 ст. УК деяние лиц, ничего не берущих за свои услуги. Это мнение прямо противоречит ст. 180 УК, т. к. последняя не устанавливает в качестве обязательного признака, наказуемого в уголовном порядке знахарства, момента корыстности, значит и бескорыстное, т.-е. без получения денег или каких-либо иных выгод, знахарство тоже уголовно-наказуемо.

Под термином «профессия» в данном случае надо понимать не занятие чем-либо в виде единственного источника существования, не занятие в корыстных целях. Под профессиональным знахарством надо понимать систематическое занятие врачеванием лицами, не имеющими надлежащего образования, здесь важна именно эта систематичность. Она-то и делает деревенских врачевателей социально-опасными.

Правильность этой точки зрения подтверждается также и примером, приводимым т. Поповым. В деревне больной гражданин по настоянию стариков и женщин обратился к местной знахарке. В результате «лечения» больной умер от заражения крови. Из этого примера видно, что приглашенная женщина своим систематическим занятием зарекомендовала себя как знахарка, и к ней поэтому обращались за «помощью», не важно, что она может быть крестьянка—важно, что она систематически занималась врачеванием, отправляя на тот свет своих пациентов. В этом именно и есть ее социальная опасность. И, конечно, суд, оправдывающий ее, сделал неправильно.

При таком понимании «врачевания, как профессии», не будет лишних сомнений, а также и неправильных приговоров.

Завед. инстр.-ревиз. отдел. Барабинского
окрсуда А. Чураев.

Сибирь, г. Канск.

Квалификация сопротивления пьяных представителям власти.

В издаваемых в настоящее время комментариях к Уголовному Кодексу редакции 1926 года (Ганин, Вроблевский, Аскарханов и друг.) авторы используют к ч. 1 ст. 73 УК устаревший материал, относящийся к ч. 1 ст. 86 старой редакции УК. Речь идет о циркуляре НКЮ за № 40 1926 года, говорящем о том, что случаи сопротивления пьяных представителям власти при совершении их способом, не указанным в ч. 1 ст. 86 УК, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 86 УК, хотя действия их и заключают в себе признаки сопротивления с насилием. Недоставало еще авторам использовать к этой статье материал, заключающийся в определении УКС Верховного суда от 30 марта 1926 г. по делу гр-на Смирнова, нанесшего побой заместителю начальнику милиции и душившего такового за горло. Тогда бы пьяные хулиганы были бы настолько гарантированы от применения к ним ст. 73 УК в первой ее части, что милиционеры, чтобы спасти свои ребра, стали бы оставлять службу в милиции.

Пользуясь устаревшим материалом, авторы комментированных изданий УК вводят в заблуждение работников низового аппарата.

С тем, что циркуляр НКЮ № 40—1926 года в данное время не утратил своего значения, я не согласен по следующим соображениям. При издании УК в редакции 1926 г. законодатель изменил текст ст. 86 ч. 1 (ст. 73 нов. ред.), опустив слова: «сопряженное с убийством, нанесением увечий...», и, кроме того, снизил санкцию по этому рода преступлению, исключив окончательно применение высшей меры социальной защиты. Этим изменением как самого текста статьи, так и карательной санкции законодатель как бы сказал, что с изданием УК ред. 1926 года все разъяснения, имевшие место в отношении к ст. 86 УК старой редакции, теряют силу и не могут относиться к ст. 73 УК в новой редакции.

Кроме того, эти мои соображения подтверждаются и примечанием к ст. 11 Угол. Код., окончательно изменившим 2 ч. ст. 17 старой редакции УК, по которой требовалось обязательное установление, что совершивший преступление намеренно привел себя в состояние опьянения для совершения преступления. Это говорит за то, что пьяный-то пьяный, а о стену лбом не бьется. След., преступление он совершает сознательно, а раз это так, то нельзя сказать, чтобы побой представителю власти он нанесил бессознательно. Конечно, как правило, обвиняемые всегда говорят, что они ничего не помнят, так как были пьяны. Но это они говорят, пока не узнали о примечании к ст. 11 УК, и думают, что до сего времени существует в этом отношении ч. 2 ст. 17 УК.

По моему мнению, для сопротивления с насилием над личностью, достаточно, чтобы лицо, оказывающее сопротивление, перешло от простого сопротивления к активным действиям против представителя власти, выражающимся в нанесении ударов и проч.

По затронутому вопросу необходимо разъяснение.

Нар. следовател. 1 уч. Грозненского округа

Сев.-Кавказ. края С. Нетребин.

Гор. Грозный.

Тридцать три метра.

Учет работы вообще и своевременная отчетность перед вышестоящими органами является безусловно необходимой частью деятельности того или иного учреждения, чтобы надлежащим образом руководить низовой периферией, но при условии, если эта отчетность не выходит за пределы возможности ее составления и не влияет на существо основной работы. Когда же посмотришь на отчетность участковой прокуратуры в нашей Вятской губ., то, право, приходится сомневаться, во-первых, в том, в состоянии ли будет справиться маленький аппарат с теми громоздкими цифрами, которыми обязаны располагать участковые прокуратуры, и, во-вторых, является ли насущной необходимостью располагать этими цифрами, характеризующими работу со всех сторон и до мельчайшей ее подробности. Я полагаю, сомнение вполне основательное: во-первых, весьма трудно будет справиться с этой отчетностью участковому аппарату, в особенности при упразднении должности делопроизводителя, и, во-вторых, нужно полагать, что не является насущной необходимостью с такой мельчайшей подробностью характеризовать цифрами нашу работу. Ведь в самом деле нужно иметь цифровые сведения: 1) по 4 таблицам, преподанным НКЮ, 221 цифру различного значения; 2) преподанные губпрокуратурой дополнительные формы 266 цифр; 3) составление сводного оперативного отчета по сведениям, получаемым от начальников волмиллиции, угрозыска и адмтдела (цирк. НКЮ и НКВД № 146), 2204 цифры; 4) о движении следственных дел и дознаний по каждому в отдельности следственному участку 280 цифр; 5) о движении дознаний по отдельности: в волмиллициях, угрозыске и адмтделе 396 цифр.

Таким образом, общее количество цифр различного значения, которыми должна располагать уездная прокуратура, выразится в 3367, а чтобы поместить эти цифры в ведомость и взять в среднем хотя бы скромное место для каждой, примерно, один сантиметр, то ведомость будет равняться, примерно, 33 метрам, да ведь к тому же все эти цифры необходимо до некоторой степени комментировать.

И вот когда задумаешься в вопрос, что все же придется составлять эту 33-метровую ведомость, то, право, приходится опасаться того, что очень много дорогого времени отнимут эти цифры от всего аппарата, что, несомненно, в высшей степени повлияет на выполнение неотложной и ценной работы, а поэтому поневоле задаешься мыслью: неужели нельзя эту отчетность упростить путем сведения до минимума цифр и остановиться лишь на основной более ценной творческой работе, которая требует от прокуратуры в области приведения начал революционной законности.

Да, при желании это сделать можно, а если так, то нужно заняться этим вопросом безотлагательно, чтобы не залутать участковый аппарат прокуратуры в тридцати трех метрах.

Пом. прокурора 3 уч. Вятской губ. В. Минин.

Гор. Котельнич.

Обзор сов. законодательства за время с 1 по 7 октября 1927 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР.

Финансы.

1. В целях увеличения средств, предназначенных на железнодорожное строительство, издано пост. ЦИК и СНК СССР от 1 октября о разрешении НКПС выпустить гарантированный Правительством Союза ССР облигационный заем на сумму 6 мил. червонцев («Изв. ЦИК» от 2 октября № 226). До настоящего времени облигационные займы выпускались Нар. Ком. Фин. для подкрепления средств государственной казны и на целевые назначения (напр., выпущенный в текущем году заем индустриализации). Новый выпускаемый заем предназначен на хозяйственное усиление страны, но допускается ведомством путей сообщения. Срок займа 7-летний. Облигации займа различного достоинства—в 100, 250, 500 и 1.000 рублей. Реализация займа производится Госбанком по поручению НКПС. Заем предоставляет держателям облигаций 10% годовых. Заем погашается путем тиражей погашения, производимых по полугодиям. Как и в отношении облигаций государственного займа, так и в отношении настоящего займа установлена свободная покупка и продажа, принятие их в залог по государственными подрядам и поставкам, а также в обеспечение уплаты акцизов и таможенных пошлин; допущена свободная котировка облигаций на бирже. Как обли-

тации займа, так и доход с них свободных от обложения общегосударственными и местными налогами и сборами.

Труд.

2 Пост. СНК СССР от 30 сентября о гос. нормировании заработной платы служащих гос. учреждений и предприятий («Изв. ЦИК» от 2 окт., № 226), дополняя действующие по данному предмету постановления (С. З. 1925 г. № 42, ст. 321, 1926 г. № 67, ст. 504 и 1927 г. № 20, ст. 230), распространяет в течение нового бюджетного года систему госнормирования зарплаты на служащих кредитных учреждений, центральных и местных органов государственного и социального страхования, главного управления гострудоперкасса, а также аппаратов правлений синдикатов по особо устанавливаемым спискам. Предложено союзным республикам провести работу по госнормированию зарплаты служащих во всех учреждениях, состоящих на государственном или местном бюджете, не позже 1 апреля 1928 года. Вместе с тем работа по рационализации и сокращению аппарата госучреждений не должна препятствовать проведению госнормирования и должна быть совершенно независима от последнего. Установление складов в порядке госнормирования должно происходить на основании фактически расходимого в настоящее время фонда заработной платы с учетом производимого сокращения состава служащих. Госнормирование не должно вызывать массового снижения фактической заработной платы и в то же время не может явиться основанием для подтягивания зарплаты отставших групп и вообще для увеличения ее. Твердые штаты и номенклатура должностей по системе госнормирования зарплаты устанавливается наркоматами РКИ и их местными органами по соглашению с профсоюзами и заинтересованными учреждениями. Установленные штаты могут быть изменены в течение бюджетного года лишь органами Рабоче-Крестьянской Инспекции как по своей инициативе, так и по инициативе ведомств. Твердые оклады зарплаты, установленные наркоматами труда, могут заменяться лишь теми же органами.

3. Пост. ЦИК и СНК СССР от 7 сентября о социальном страховании лиц, работающих в организованных омитах бирж труда производственных предприятиях и производственных коллективах, переданных в ведение хозяйственных органов («Изв. ЦИК» от 2 окт. № 226). В случае передачи производственных предприятий и производственных коллективов, организованных биржами труда и освобожденных от уплаты взносов на социальное страхование занятых в них безработных, в ведение хозяйственных органов льготы по освобождению от взносов продолжается в течение 6-ти месяцев со дня передачи. При этом льготы применяется лишь в отношении тех занятых в производстве безработных, которые состояли на работе в предприятии ко дню передачи. За остальных же безработных уплата взносов соцстраха производится в размере 10% заработной платы (III группа временного льготного тарифа, установленная разделом Б, ст. I пост. ЦИК и СНК СССР от 26 февраля 1925 г. и пост. ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1927 г. «С. З.» 1925 г. № 14, ст. 107 и 1927 г. № 48, ст. 459). Действие постановления распространяется на производственные предприятия, переданные хозяйственным органам после 30 июня 1927 года.

Жилищное законодательство.

4. Пост. ЦИК и СНК СССР от 30 сентября о приравнении работников литературного труда, а также художников, скульпторов и научных работников в отношении квартирной платы к рабочим и служащим («Изв. ЦИК» от 1 октября, № 225) издано в целях облегчения жилищных условий этих категорий работников. Законодательство РСФСР подлежит изменению.

5. В тех же целях издано пост. ЦИК и СНК СССР от 30 сентября о льготной оплате излишков жилой площади, занятых рабочими мастерскими художников и скульпторов («Изв. ЦИК» от 1 октября, № 225). И в этом отношении законодательство РСФСР должно быть изменено.

Просвещение.

6. Аналогичный характер носит пост. СНК СССР от 30 сентября о приравнении работников литературного труда, художников и скульпторов и их детей, а также детей научных работников в отношении поступления в учебные заведения к рабочим и детям рабочих («Изв. ЦИК» от 1 окт., № 225). СНК союзных республик должны принять меры к тому, чтобы льготы и преимущества, предоставляемые рабочим в отношении поступления в учебные заведения, были предоставлены

также литературным работникам, художникам и скульпторам, а также их детям и детям научных работников.

7. Пост. ЦИК и СНК СССР от 24 сентября об изменении постановления о праве передачи по радио-телефону публичного исполнения музыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов («Изв. ЦИК» от 6 окт., № 229) предоставляет право передачи по радио и проводам перечисленных в законе исполнений.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Хозяйственное законодательство.

1. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 12 сент. о дополнении приложения к ст. 22 Гражд. Код. РСФСР об условиях и порядке отчуждения государственного имущества («Изв. ЦИК» от 1 октября, № 225) издано вследствие допущенного пост. ЦИК СНК СССР от 3 мая 1927 г. о местной государственной промышленности («С. З.», № 23, ст. 255) безвозмездного перехода государственных предприятий к промыслово-кооперативным организациям.

2. Пост. ЭКОСО РСФСР от 22 сентября об обязанности государственных потребителей древесного топлива заключить с лесозаготовительными органами договоры на поставку всего потребного им в 1927—28 хозяйственном году количества древесного топлива («Изв. ЦИК» от 2 окт., № 226) издано в интересах согласования планов дровозаготовок с нуждами потребителей древесного топлива. Срок заключения указанных договоров—15 октября 1927 г. Действие постановления распространяется на всех государственных потребителей, как состоящих на государственном или местном бюджете, так и переведенных на коммерческий или хозяйственный расчет.

3. Пост. ЭКОСО РСФСР от 7 июля о порядке помещения предприятий РСФСР обязательных в порядке правил публичной отчетности публикаций («С. У.» № 71, ст. 483) издано на основании правил публичной отчетности промышленных и торговых предприятий и кредитных учреждений, изданных СНК СССР 4 авг. 1926 г. («С. З.» 1926 г. № 60, ст. 452) и в дополнение к пост. ЭКОСО РСФСР от 26 февраля 1927 г. («С. У.» № 33, ст. 221). От обязательного помещения публикаций в газете «Экономическая Жизнь» освобождены: государственные предприятия и торги, подведомственные местным органам ВСНХ РСФСР, предприятия коммунального хозяйства, союзы кооперативов областного или краевого значения, являющиеся кооперативными организациями второй ступени и коммунальные ломбарды. Первые три категории предприятий и учреждений помещают обязательные публикации в официальном органе местного исполкома.

Финансы и кредиты.

4. В связи с изданием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля по докладу НК РКИ СССР и РСФСР о пересмотре прав и обязанностей местных органов советского управления («С. У.» № 79, ст. 533) издано пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 19 сент. о внесении изменений в положение о местных финансах РСФСР («Изв. ЦИК» от 7 снт., № 230). Доходные источники, предоставленные в распоряжение местных советов и относимые на местные средства расходы, распределяются между исполкомами и советами в пределах автономных республик, областей, районированных краев и губерний на основе особого учета обслуживания каждым бюджетом тех потребностей местного хозяйства, которые имеют значение для соответствующей административно-территориальной единицы в целом или для отдельных ее частей и в соответствии с финансово-экономической мощностью административно-территориальных единиц, входящих в состав перечисленных крупных единиц. В соответствии с постановлением от 23 июля пересмотрены права местных исполкомов на утверждение бюджетов нижестоящих единиц, отчетов по их исполнению, а также на составление бюджетов и передвижения кредитов. Установлена строгая срочность представления сельских бюджетов на утверждение волсполкомов и рассмотрение последних этих бюджетов с сообщением об утверждении их либо о желательных изменениях сельсоветам. Установлен порядок расходования средств в случае неутверждения бюджета к началу бюджетного года.

5. Пост. СНК РСФСР от 23 июля об изменении примечания 1-го к ст. 42 правил производства описи, ареста и продажи с публичного торга имущества недоимщиков по государственным и местным налогам, сборам и пошлинам («С. У.» № 73, ст. 506). Ко второй очереди погашения отнесена задолженность по заработной плате и алиментам, признанная судебными решениями, выраженными в исполнительных листах или в

копиях судебных приказов, а также задолженность по социальному страхованию, согласно распоряжения страховкасы (см. пост. СНК РСФСР от 10 января 1927 г. «С. У.» № 8, ст. 63).

6. Пост. ЭКОСО РСФСР от 21 мая об изменении и дополнении нормального устава коммунальных банков («С. У.» № 72, ст. 494) издано в целях разграничения сферы деятельности коммунальных банков от других кредитных учреждений и придания коммунальным банкам большего специального направления в деле кредитования жилищного и коммунального строительства и местной промышленности. В соответствии с этим изменены те статьи нормального устава, которые посвящены изложению задач коммунального банка, распределению акций и порядку выдачи ссуд. Оставляя преимущественное количество акций банка в руках губернского и окружного исполкома (51%), новая редакция § 8 нормального устава предоставляет возможность распределения этих акций также между уездными и районными исполкомами и горсоветами соответствующей губернии или округа. Поскольку задачей банков является также кредитование предприятий местной промышленности, им предоставлено право принимать в залог фабрично-заводской инвентарь, не изъятый из оборота. Установлен твердый процент основного капитала, предназначенный для долгосрочных операций по кредитованию коммунального хозяйства и жилищного строительства. Процент этот должен быть не менее 35% основного капитала. В тех местах, где отсутствуют филиалы Промбанка, выдаются долгосрочные ссуды на нужды местной промышленности на срок не свыше 10 лет. Долгосрочные ссуды на ремонт и строительство жилых помещений выдаются на срок не свыше 25 лет. Ссуды жилищно-строительным кооперативам на новое жилищное строительство и достройку выдаются в размере не свыше 9-кратного размера собственных средств этих кооперативов, собранных ими со своих членов (с зачетом задолженности кооперативов).

7. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июля о дополнении пост. ВЦИК и СНК РСФСР о коммунальных банках («С. У.» № 72, ст. 490) издано в целях оформления в законодательном порядке допущенного в новой редакции нормального устава распределения 51% акций между губерскими и окружными, уездными и районными исполкомами и горсоветами (См. «С. У.» 1923 г. № 4, ст. 82).

Кооперация.

8. Пост. СНК РСФСР от 28 июня о порядке регистрации кооперативных советов («С. У.» № 71, ст. 483) устанавливает порядок регистрации кооперативных советов РСФСР. Для этого при Центральном Кооперативном Совете учреждается специальная комиссия, ведущая реестр кооперативных советов. В случае, если в течение месячного срока со дня подачи заявления о регистрации не будет вынесено постановление о регистрации или об отказе в таковой, кооперативный совет считается зарегистрированным и вносится в реестр в трехдневный срок по истечении указанного месячного срока. Отказ в регистрации может последовать лишь в том случае, если представленный проект устава либо проект изменений в уставе не соответствует требованиям действующего закона. Жалобы на отказ в регистрации приносятся в месячный срок со дня объявления об отказе в президиум Центрального Кооперативного Совета. Жалобы подаются через комиссию, обязанную в трехдневный срок представить ее на рассмотрение Президиума. В тот же срок и в том же порядке могут быть опротестованы постановления комиссии как о регистрации, так и об отказе в ней соответствующими исполкомами. Принесенные жалобы и протесты рассматриваются в двухнедельный срок. О состоявшейся ликвидации кооперативного совета сообщается Центральному кооперативному совету для отметки в реестре.

Труд.

9. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 3 октября об улучшении положения работников в рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска («Изв. ЦИК» от 4 октября, № 227) предусматривает доведение в наступившем бюджетном году заработной платы работников строевого состава милиции и активного состава уголовного розыска минимум до 37 руб. 50 коп. в месяц по первому поясу, 34 р. — по второму и 30 руб. — по остальным поясам для милиционеров в сельских местностях. Соответственно должен быть повышен размер зарплаты для других категорий работников милиции и уголовного розыска. Предложено местным исполкомам включить в бюджет расход на снабжение перечисленных работников обмундированием, снаряжением и вооружением по особым табелям, утвержденным НКВД.

Государственное страхование.

10. Пост. ЭКОСО РСФСР от 10 сентября о сроках взносов платежей по обязательному окладному страхованию в 1927—1928 г. в сельских местностях РСФСР («Изв. ЦИК» от 4 окт. № 227) издано на основании пост. СТО от 2 сент. 1927 г. Срок—31 дек. 1927 г.—установлен для южных частей РСФСР—С.-Кавказского края (кроме Дагестана), АССР Немцев Поволжья, Астраханской губ. и Калмыцкой области. Самый поздний срок—31 марта 1928 г.—установлен для Дагестанской и Карельской АССР, Мурманской губернии, Сахалина и Дальне-Восточного края. Между этими крайними сроками располагаются сроки уплаты взносов для остальных автономных республик, губерний, областей и краев РСФСР.

Земельное дело.

11. Пост. СНК РСФСР от 10 сентября об изменении правил о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ («Изв. ЦИК» от 1 окт. № 225) издано в связи с докладом НКРКИ СССР и РСФСР о расширении прав местных органов советского управления. («С. У.» № 79, ст. 533). Местные земельные управления (губернские и окружные) получили право перевода госземельных из одного вида в другой. Госземельные предоставляются в бесплатное пользование госучреждениям в целях обслуживания учебных, культурно-просветительных, лечебных и иных надобностей, не преследующих целей извлечения прибыли. Наркомзем заключает впредь лишь договоры о передаче госимущества в концессию, а также генеральные договоры с держателями госземельных, имеющими центральные объединения. Прочие договоры о передаче госземельных в арендное, бессрочно-безвозмездное пользование и под застройку заключаются местными земуправлениями. Право заключения такого рода договоров предоставлено также районным заведующим на срок до 1 года независимо от суммы годовой платы за пользование, а районным и волостным исполкомам—без ограничения суммы и на срок до 24 лет в отношении госземельных, переданных в их заведывание. Сдача госземельных в договорное пользование производится в порядке соглашения, с торгов и путем публичного соревнования.

Разные.

12. Пост. СНК РСФСР от 20 сент. утвержден перечень узаконений РСФСР, утративших силу с введением в действие положения о порядке привлечения населения к трудовой и транспортной повинности («Изв. ЦИК» от 5 окт., № 228).

13. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 12 сент. об отмене узаконений, утративших силу в связи с изданием постановлений: СНК РСФСР от 27 января 1926 г. об изменении списка курортов общегосударственного значения («С. У.» 1926 г. № 7, ст. 45), ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апр. 1927 г. об установлении списка местностей, дач и строений, расположенных на территории курортов общегосударственного значения Южного берега Крыма и находящихся в ведении и управлении Нар. Ком. Здравоохран. РСФСР («С. У.» 1927 г. № 34, ст. 223), и ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1927 г. об установлении границ гос. курорта Евпатория-Майнаки («С. У.» 1927 г. № 59, ст. 416) («Изв. ЦИК» от 4 октября № 227).

14. Пост. Президиума ВЦИК от 11 июля о сокращении числа уездов и волостей Калужской губ. («С. У.» № 71, ст. 480).

15. Пост. Президиума ВЦИК от 11 июля о сокращении сети районов Тульской губ. («С. У.» № 71, ст. 482).

М. Брагинский.

В Совнарком РСФСР.

Проект пост. ВЦИК и СНК РСФСР о порядке передачи государственных промпредприятий республиканского значения в мандатное управление местных органов.

Совнаркомом РСФСР утвержден принятый ЭКОСО РСФСР проект постановления ВЦИК и СНК о порядке передачи государственных промпредприятий республиканского значения в мандатное управление местных органов.

Согласно утвержденному СНК РСФСР проекта, промышленные предприятия республиканского значения, находящиеся в ведении ВСНХ РСФСР, могут быть передаваемы ВСНХ РСФСР в мандатное управление СНК автономных республик, областных (краевых) и губерских исполкомов.

автономных областей, в лице местных органов народного хозяйства.

Передача промышленных предприятий республиканского значения в мандатное управление местных органов в каждом отдельном случае производится ВСНХ РСФСР при наличии на то согласия НКФ РСФСР и подлежащего местного исполкома.

Мандат на управление выдается президиумом ВСНХ РСФСР с точным обозначением в нем прав ВСНХ РСФСР по управлению, передоверяемых им подлежащему местному органу народного хозяйства, с соблюдением всех необходимых гарантий для правильной эксплуатации имущества и его доходности.

Мандат на управление выдается на операционный год, а если выдан в середине операционного года, действие его прекращается с окончанием операционного года.

С суммы чистой прибыли мандатных предприятий, подлежащей обращению в доход казны, производится процентное отчисление в местный по принадлежности бюджет, в пределах от 10 до 25%.

Точный размер отчислений в местный бюджет в каждом отдельном случае определяется при утверждении в установленном порядке заключительных балансов мандатных предприятий, комиссией при ВСНХ по распределению прибылей, с привлечением представителя заинтересованного местного органа. Причитающаяся в доход казны часть прибыли вносится предприятием полностью в государственный бюджет РСФСР. Расчеты между республиканским и местным бюджетом производятся в общепринятом порядке.

Проект пост. ВЦИК и СНК РСФСР о льготах и преимуществах для героев труда.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июля 1927 г. о героях труда («С. Зг.» № 45, ст. 456), Совнарком РСФСР принял проект постановления о льготах и преимуществах для героев труда.

Согласно принятого Совнаркомом проекта для героев труда, работающих по найму, ставки квартирной платы устанавливаются в соответствии с получаемой ими пенсией из расчета 50% этой пенсии.

Для героев труда, продолжающих работать по найму, ставки квартирной платы устанавливаются в соответствии с их заработком, без учета получаемой ими пенсии.

Излишки жилой площади, занимаемой героями труда и состоящими на их иждивении членами семьи сверх нормы, установленной законами об оплате жилых помещений, независимо от размера этих излишков, оплачиваются героями труда в ординарном размере.

При административном выселении из домов, герои труда, как прекратившие работать по найму, так и продолжающие работать, могут быть выселены в установленных законом случаях не иначе, как при условии предоставления годной для жилья свободной площади и транспортных средств для переезда на новую квартиру.

Герои труда и члены их семей пользуются правом на все виды курортной и медицинской помощи на одинаковых основаниях с застрахованными и членами их семей.

Герои труда и лица, состоящие на их иждивении, имеют право на внеочередной прием в учреждения социального обеспечения (дома для инвалидов и т. п.).

В области местного обложения герои труда пользуются следующими льготами:

а) от налога со строений освобождаются строения, принадлежащие героям труда, если строения заняты непосредственно героями труда и их семьями и не эксплуатируются путем сдачи в наем;

б) от налога с транспортных средств освобождаются принадлежащие героям труда транспортные средства (лошади, велосипеды и т. п.), предназначенные для обслуживания героя труда и его семьи;

в) от налога со скота освобождается скот, принадлежащий героям труда и используемый исключительно для нужд героев труда и их семей.

Дети героев труда и лица, состоящие на их иждивении, в отношении приема их в учебные и воспитательные заведения, приравниваются к лицам физического труда и освобождаются от уплаты за обучение и воспитание.

Все льготы, устанавливаемые законодательством РСФСР для рабочих и служащих, полностью распространяются на героев труда.

Х р о н и к а.

Льготы в области труда рабочим и служащим при призыве на военную службу.

На основании инструкции НКТорга СССР от 20 июня 1927 г. № 138 («Труд» № 149), рабочие и служащие, подлежащие очередному призыву на действительную военную службу в месте жительства, сохраняют свою должность и средний заработок за все время, необходимое для явки на призывный пункт, для участия в жеребьевке, медицинского освидетельствования и получения необходимых документов от призывной комиссии. Никакие единовременные пособия указанным рабочим и служащим перед призывом не выдаются.

Рабочие и служащие, назначенные в кадровый состав частей РККА, увольняются по их заявлению с места работы в любое время до отправления в воинские части и при увольнении получают от нанимателя выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка.

Рабочие и служащие, не назначенные в кадровый состав частей РККА, возвращаются на прежнее место работы и должность и не получают от нанимателя никакого единовременного пособия.

Рабочие и служащие, подлежащие очередному призыву на действительную военную службу вне места жительства, при освобождении от работы для явки на призывный пункт получают от нанимателя единовременное пособие в размере двухнедельного среднего заработка (хотя бы они и были предупреждены заранее о предстоящем призыве).

Рабочие и служащие, назначенные в кадровый состав частей РККА, имеют право вернуться на прежнее место работы и должность в трехдневный срок со дня получения соответствующего документа от призывной комиссии. В счет этого срока не включается время, необходимое для переезда от места призыва к прежнему месту работы. При наличии уважительных причин для опоздания (болезнь, препятствия стихийного характера и т. п.) трехдневный срок должен быть соответственно продлен, однако, не более, чем на один месяц.

В случае возвращения призванного на прежнее место работы и должность расчеты, связанные с выдачей единовременного пособия, производятся на следующих основаниях: при самом возвращении наниматель не имеет права требовать пособие обратно, хотя бы призванный вернулся ранее двух недель со дня прекращения работы; если призванный вернулся ранее двух недель со дня прекращения работы, то при ближайшей выдаче заработной платы засчитывается в счет заработка соответствующая излишняя часть выданного пособия (за время, оставшееся до истечения двух недель); если призванный вернулся по истечении двух недель со дня прекращения работы, то наниматель не обязан выдавать ему никакого дополнительного возмещения за время, затраченное в связи с призывом (сверх уже выданного единовременного пособия).

В случае возвращения призванного на прежнее место работы и должность работник заявлявший эту должность после ее освобождения, при невозможности предоставления ему другой работы может быть уволен в порядке п. «а» ст. 47 Код. зак. о труде.

В случае, если в течение одного месяца со дня прекращения работы у призванного в кадровый состав частей РККА, имевшего ко дню объявления призыва право на получение дополнительных пособий в порядке социального страхования, родится ребенок, семья призванного получает в порядке социального страхования: единовременное пособие на предметы ухода за ребенком; ежемесячно в течение девяти месяцев со дня рождения ребенка пособие на кормление ребенка.

В случае, если в течение одного месяца со дня прекращения работы призванным в кадровый состав частей РККА, умрет кто-либо из находящихся на его иждивении членов его семьи (ст. 9 правил, утвержденных Союзным советом соц. страх. при НКТ СССР 13 января 1927 г., за № 8—«Изв. НКТ СССР», 1927 г., № 5), семья призванного получает в порядке социального страхования единовременное пособие на погребение умершего. Указанное пособие выдается также и в случае смерти самого призванного, если его похороны не приняты на счет военного ведомства.

Семьи призванных в кадровый состав частей РККА безработных, имевших ко дню объявления призыва право на получение дополнительных пособий в порядке социального страхования, пользуются льготами, предусмотренными выше, наравне с семьями призванных рабочих и служащих. При этом месячный срок исчисляется со дня отправки призванного на сборный пункт для направления в воинские части.

Рабочие и служащие, состоящие в переменном составе территориальных частей за все время учебных и краткосрочных сборов (включая и трехмесячное обучение в течение первого года военной службы) сохраняют свою должность.

Рабочие и служащие, состоящие в переменном составе территориальных частей, в случае, если их сверстники, зачисленные в кадровый состав стрелковых частей, находятся в частях РККА, при призыве на учебные сборы (включая и трехмесячное обучение в течение первого года военной службы) получают от нанимателя единовременное пособие в размере двухнедельного среднего заработка, но не сохраняют за собой заработка за время сборов.

Рабочие и служащие, состоящие в переменном составе территориальных частей, в случае, если их сверстники, зачисленные в кадровый состав стрелковых частей, уволенные в долгосрочный отпуск, сохраняют две трети, среднего заработка за время учебных сборов, но не более, чем за один месяц в течение календарного года.

Рабочие и служащие, состоящие в переменном составе территориальных частей, при призыве на краткосрочные сборы (т.е. продолжительностью не более одной недели) не получают от нанимателя никаких единовременных пособий и не сохраняют заработка за время прохождения этих сборов.

Рабочие и служащие, проходящие действительную военную службу в порядке вневойсковой подготовки, за все время учебных сборов сохраняют свою должность и средний заработок.

Рабочие и служащие, состоящие в долгосрочном отпуску или в запасе рядового и младшего начальствующего состава, за все время повторительных или поверочных сборов сохраняют свою должность и средний заработок.

Рабочие и служащие, состоящие в долгосрочном отпуску или в запасе среднего, старшего и высшего начальствующего состава, за все время учебных сборов, подвижных сборов, маневров, полевых поездок и военных игр сохраняют свою должность и средний заработок.

Рабочие и служащие сохраняют свой средний заработок за время, затраченное на явку в местное теруправление или уездный (окружной) военкомат по делам, связанным с отбыванием обязательной военной службы (приписка к призывному участку, прием на учет, снятие с учета, поверочный учет военнообязанных запаса и т. д.), но не более чем за половину рабочего дня при явке в месте жительства и не более чем за один рабочий день при явке вне места жительства. Рабочие и служащие не сохраняют своего заработка за время, затраченное на явку в учреждения, ведающие привлечением к отбыванию обязательной военной службы, (военкоматы, призывные комиссии и т. д.) в следующих случаях (при чем, однако, это время не считается прогулом): при подаче заявлений и жалоб, связанных с получением льгот по семейно-имущественному положению; при восстановлении учетно-военских документов в случаях их утраты или хищения.

Льготы для работников госучреждений и предприятий в отдаленных местностях.

Согласно инструкции НКТ СССР № 114 от 21/V 1927 г. («Изв. НКТ» № 21), предоставление льгот государственными учреждениями и предприятиями в случаях, не подпадающих под действие пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г., а также предоставление каких-либо льгот кооперативными, профессиональными и общественными организациями и учреждениями допускается лишь в порядке письменного соглашения сторон.

Пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. применяется в подлежащих случаях как при направлении на работу из неотдаленных местностей в отдаленные, так и при направлении на работу из одной отдаленной местности в другую отдаленную местность.

Указанные в ст. 3 пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. суммы выдаются в размере двух третей при выезде работника и одной трети по прибытии работника и соответственно членов его семьи к месту работы.

Предусмотренное в ст. 4 пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. единовременное пособие или возмещение стоимости переезда предоставляется независимо от того, выезжает ли работник или члены его семьи из данной местности или же нет. Разрешается выдача указанных сумм также и в том случае, если уволенный или оставивший службу работник с находящимися на его иждивении членами семьи или после смерти работника семьи, находящаяся на его иждивении, переезжает не в место прежнего жительства, а в иное ими избранное место. В этих случаях выдаваемая сумма не может

превышать размера расходов по переезду к месту прежнего жительства.

Под подлежащими возмещению расходами по переезду подразумеваются: стоимость железнодорожных билетов в мягком вагоне и пароходных билетов по II классу, а также в подлежащих случаях стоимость переезда грузом; стоимость перевозки багажа в размере 160 кило для работников и 80 кило для члена семьи; стоимость перевозки багажа от квартиры до станции отправления, перевозки багажа на местах пересадок и со станции назначения до квартиры; стоимость упаковки багажа—не свыше 1 руб. за каждые 10 килограммов багажа.

Под заработной платой в смысле ст.ст. 3 и 4 пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. подразумевается средний заработок работника, исчисляемый в порядке, указанном в постановлении НКТ СССР от 17 июня 1924 г. № 268,426 «о порядке исчисления среднего заработка» («Известия НКТ СССР», 1924 г., № 25—26). Для лиц, получающих персональные ставки или получающих заработную плату по тарифу ответственных работников, в средних заработках включаются также и персональные надбавки и надбавки за нагрузку.

Выплата установленных в ст. 5 постановления ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. процентных надбавок производится по истечении каждого полного года в I поясе и каждых трех лет во II поясе путем выдачи соответствующих дополнительных сумм одновременно с выдачей жалованья.

Процентные надбавки исчисляются по отношению к основному заработку (твердый оклад, тарифная ставка и т. п.), включая спецставки и при оплате по тарифу ответственных работников надбавки за нагрузку, но без учета дополнительных видов вознаграждения, как-то: сверхурочных, премиальных, приработков и пр., а также без учета процентных надбавок, получаемых за ранее проработанное время.

Предусмотренные в ст. 5 пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. процентные надбавки, а также предусмотренные в ст.ст. 6—8 указанного постановления дополнительные льготы предоставляются тем государственным учреждением или предприятием, в котором данное лицо состоит на службе ко дню истечения установленных сроков.

Лицам, увольняемым или оставляющим по каким-либо причинам работу до истечения срока, дающего право на получение очередной процентной надбавки или дополнительных льгот, никакой пропорциональной компенсации за них не выдается.

Перечень должностей, занятие которых дает право на предусмотренные в ст.ст. 6—8 пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. дополнительные льготы, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Перевод работника по распоряжению администрации в пределах одного ведомства или хозяйственного объединения, независимо от расстояния между прежним и новым местом работы, не лишает его права на зачет ранее проработанного времени для получения льгот, предусмотренных в ст.ст. 5, 6 и 7 пост. ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г. В остальных случаях зачет прежнего стажа работы может иметь место только по соглашению сторон (ст. 10 постановления ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г.).

Наниматель не имеет права требовать возврата выплаченных им единовременных пособий с лиц, вынужденных оставить работу в порядке ст. 48 Код. Зак. о Труде, независимо от времени, проработанного этими лицами у данного нанимателя.

Выходное пособие рабочим, увольняемым в связи с рационализацией производства.

По пост. НКТ СССР № 141 от 20/VI—27 г. («Изв. НКТ» № 27), усиленные выходные пособия выдаются рабочим, увольняемым из предприятий и заведений в связи с проведением мероприятий по улучшению техники и организации производства в следующих размерах: в местностях I пояса—в размере трехмесячного среднего заработка, в местностях II пояса—в размере двухмесячного среднего заработка и в местностях III пояса—в размере полутрехмесячного среднего заработка.

В соответствии с промышленным значением отдельных местностей и условиями рынка труда, устанавливается следующее распределение местностей СССР по поясам: к I поясу относятся: г.г. Москва, Ленинград и Харьков; ко II поясу относятся: губернии Московская и Ленинградская (за исключением г.г. Москвы и Ленинграда), Брянская, Иваново-Вознесенская и Нижегородская; Уральская область; округа: Днепровский и Николаевский; Донбасс; города: Баку, Грозный, Киев, Кривой Рог, Одесса, Ростов-на-Дону, Сталинград и Тула;

к III поясу относятся все остальные местности, не отнесенные к I и II поясам.

Усиленные выходные пособия выдаются уволенным рабочим при наличии следующих двух условий: если в связи с проведением мероприятий по улучшению техники и организации производства в данном предприятии или заведении подлежат увольнению в общей сложности, не менее десяти рабочих; если они не могут быть переведены на работу в другие предприятия или заведения, находящиеся в той же местности. Рабочие, увольняемые в связи с проведением мероприятий по улучшению техники и организации производства, при равенстве квалификации направляются биржами труда на работу в первую очередь перед всеми остальными безработными.

Ответственность за несоблюдение законов о соц. страховании.

Некоторые страховые кассы допускают в своей практике отступления от действующего законодательства по социальному страхованию, влекущие за собой иногда прямой ущерб для застрахованных. Считая такие явления совершенно недопустимыми, НКТ РСФСР категорически воспретил страховым кассам производство в дальнейшем каких бы то ни было отступлений от изданных высшими законодательными органами НКТ СССР, НКТ РСФСР и союзным и всероссийским советами социального страхования законоположений, постановлений и распоряжений, какими бы причинами эти отступления ни вызывались.

За нарушение законоположений по социальному страхованию председатели страховых касс будут привлекаться к законной ответственности (ц. НКТ РСФСР № 196 от 1 сентября 1927 г.—«Труд» № 204).

Меры воздействия на торговые организации по линии банковского кредита в целях снижения цен.

На основании ц. НКФ РСФСР № 774 от 1/VII—27 г. («Бюлл. НКФ» № 39 40) предоставление кредитными учреждениями кредитов промышленным и торговым организациям должно как правило, обуславливаться обязательством со стороны кредитующихся предприятий, проводить в своей оперативной деятельности снижение цен в размерах, установленных соответствующими регулирующими органами, без понижения при этом качества продукции.

При выявлении положительных результатов в отношении снижения товарных цен отдельными предприятиями, кредитные учреждения, в целях поощрения этих предприятий, могут допускать расширение кредитов, удлинять сроки кредитования и предоставлять отсрочки по ранее выданным кредитам, а также делать для них изъятия в отношении размеров процентных ставок в смысле их уменьшения.

В случаях нарушения кредитующимися предприятиями установленных цен и наценок, кредитным учреждениям надлежит воздействовать на них путем сокращения размера кредитов и в некоторых случаях, даже полным закрытием таковых путем применения тех или иных форм кредитования и посредством соответствующего сокращения сроков кредитования этих предприятий.

При этом в случае нахождения в данном районе лишь одной оптовой или розничной организации обобщественного сектора такие меры репрессии по отношению к ней должны применяться с особой осторожностью.

Сокращение кредита по учету векселей должно проводиться путем сокращения лимита по предъявительству организации, подвергшейся репрессии. Сокращение учета векселей, выданных организациями, не снизившими цен, должно проводиться реже, поскольку оно непосредственно отражается на векселепредъявителе, а не на векселедателе, и должно применяться лишь в тех случаях, когда векселепредъявитель является верхним звеном системы по отношению к векселедателю.

При определении сроков кредитования кредитные учреждения также должны использовать все возможности для поощрения своих клиентов к проведению снижения цен. Сроки кредитования предприятиям, не проводящим директив по снижению цен, должны сокращаться с таким расчетом, чтобы эти предприятия были поставлены перед необходимостью более интенсивно развивать свои торговые обороты и не задерживать товары, могущие быть реализованными.

Укрепление потребительской кооперации.

НКТорг СССР указал местам (ц. № 1300 от 14 VII—27 г.—«Сов. Торг.», оф. прил. № 43), что ими должны быть безусловно поддержаны мероприятия кооперации, направленные на создание наибольших льгот для ее членов.

Особое внимание при этом необходимо уделять осуществлению следующих преимуществ для пайщиков потребительской кооперации: подтвердить особыми распоряжениями торговделов право пайщиков на внеочередное получение всех товаров; при распределении недостаточных товаров предоставлять кооперативам право в первую очередь обеспечивать пайщиков кооператива по определенной потребительской норме, которая гарантировала бы невозможность использования пайщиками своих преимуществ в целях перепродаж недостаточных товаров.

Запрещение устройства представлений с раздачей бесплатных подарков.

В виду того, что раздача бесплатных подарков отнюдь не является с художественными задачами зрелищных предприятий и вносит лишь нездоровый ажиотаж в дело театрального строительства, НКВД и НКПросом организация подобных представлений, с раздачей в той или иной форме бесплатных подарков признана недопустимой (ц. НКВД № 242 от 27/VI—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 19).

Местам предложено принять меры к прекращению подобных явлений, путем запрещения устройства бесплатных лотерей или иных видов раздачи бесплатных подарков в театральных, цирковых и других зрелищных предприятиях.

Регистрация актов прекращения браков.

НКВД установил (ц. № 244 от 29/VI—27 г.—«Бюлл. НКВД» № 19), что извещения о прекращении брака, предусмотренные п. 8 циркуляра НКВД от 7 марта 1927 г. за № 99, посылаются по последнему достоверно известному местожительству отсутствующего супруга или по последнему месту его службы или постоянных занятий. При неизвестности местожительства или места службы отсутствующего супруга, расторгающий брак предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных сведений, а заявление о неизвестности местожительства отсутствующего супруга заносится в графу 10-ю записи о прекращении брака, где указывается, что ст. 88 УК заявителю объявлена.

Прекращение дел об акцизных нарушениях за истечением давностного срока.

НКФ РСФСР в соответствии с разъяснением НКЮ РСФСР от 21/IV с. г. за № 43 п. 1425 предложил дела о нарушениях постановлений об акцизах и особом патентном сборе, в случае истечения за ним месячной давности, установленной примечанием 3 к ст. 14 Уг. Код. препровождать для прекращения к следователю применительно к порядку, установленному 1 ч. ст. 105 Угол. Проц. Код. (ц. № 628 от 9/V—27 г.—«Бюлл. НКФ» № 29 30).

Прекращение дела, вследствие истечения давностного срока, исключает возможность вынесения по нему постановления как о наложении штрафа, так и конфискации подакцизных предметов, так как та и другая меры представляют собою виды административного взыскания, но прекращение дела отнюдь не отменяет взыскания установленных акциза и патентного сбора.

Освобождение ЖАКТ от уплаты недоимок по местному налогу.

Согласно ц. НКФ РСФСР от 11/V—27 г. № 633 («Бюлл. НКФ» № 29 30) жилищно-арендные кооперативные товарищества освобождаются от оплаты недоимок по местному налогу, образовавшихся за время, предшествующее заключению ими договоров с отделами коммунального (местного) хозяйства на аренду домовладений.

Залоговая расценка облигаций 3 гос. 8% займа 1927 г.

По пост. НКФ СССР (№ 170 от 27/VI—27 г.—«Сов. Торг.» оф. прил. № 41) облигации 3-го гос. 8% внутреннего займа 1927 г. принимаются: в залог по государственным подрядам и поставкам, в обеспечение рассрочиваемых таможенных пошлин, в обеспечение договоров по аренде государственных (в том числе коммунальных) имуществ, а также, в установленных случаях в обеспечение рассрочиваемых акцизов впредь до изменения по залоговой расценке в 85% номинальной стоимости облигаций.

На местах.

Деятельность Московского губсуда в области ускорения рассмотрения дел и приближения суда к населению.

Вопросы ускорения рассмотрения гражданских и уголов. дел в судах Московской губ. с особенной остротой встали перед Московским губсудом в 1925 г., когда образовавшаяся громадная залежь дел, с одной стороны, и организационные недочеты построения судебного аппарата, с другой, ставили под угрозу все планы по улучшению дальнейшей работы судебного аппарата Москвы и губ. Для наглядного представления о том, что было и чего удалось Мосгубсуду достигнуть в своей работе в этом направлении, мы особенно глубоко забираемся в работу прошлых лет судебного аппарата не будем, ибо это будет старо и неинтересно. Однако, мы должны взять в обзор такой отрезок времени, который позволил бы представить картину недочетов прошлого и достижений настоящего времени. Поэтому мы считаем наиболее подходящим начать свой обзор именно с 1925 г., когда было покончено с основной реорганизацией судебного аппарата.

Необходимо отметить, что, несмотря на прошедшую к 1925 году времени, в основном, перестройку судопроизводства согласно нового Положения о судостроительстве, все же состояние судебного следственного аппарата Москвы и губ. было таково, что нужны были радикальные меры как в области приближения суда к населению, так и ускорения процесса судопроизводства, для того, чтобы сделать аппарат суда доступным для населения и само судопроизводство отвечающим потребностям граждан в скором суде. К началу 1925 г. в некоторых районах самой Москвы еще были заметны остатки системы районных судов. Напр., в Красно-Пресненском районе, занимающим примерно одну треть Москвы, суд сохранил в нетронутом виде районную систему. Суд делился на гражданский и уголовный отделы. Внутри самих отделов существовала разбивка на столы, в которые поступали дела только определенной категории. Технический аппарат (канцелярия) был объединен, существовала общая справочная часть, общая исполнительская часть и общий прием.

Несостоятельность подобной системы была очевидна. Она не соответствовала новым задачам, ставшим перед судом в изменившейся обстановке. Эта система приводила к тому, что на судья оказывался оторванным от населения своего участка, не мог наблюдать за исполнением решений и приговоров, и пр. Кроме этого, судья, поставленный в необходимость разрешать только одну узкую категорию дел, терял квалификацию и перспективу в работе, превращаясь в узкого специалиста. Население, в свою очередь, при централизованном приеме и исполнении лишено было возможности непосредственного обращения к судье, теряло много времени в очередях за справками, для подачи заявлений и т. п. На периферии в уездах дело обстояло еще более неблагоприятно: в значительной части уездов как судебные, так следственные и судополнительские участки находились не на подведомственной территории, а были сосредоточены или в уездном городе или ином каком крупном центре. Средний радиус обслуживания участка достигал около 40 верст, доходя в иных случаях до радиуса всей уездной территории.

Подобная организация низового судебного аппарата не только противоречила идее участкового суда в стройной системе единого народного суда, но и лишала суд возможности выполнять стоящие перед ним задачи. Помимо организационной невязки, серьезным препятствием к выполнению выдвинутых перед судом задач, являлась и недостаточность самой сети судебно-следственных учреждений. К этому времени на все 210 (неукрупненных) волостей Московской губ. было 61 судебный участок, из них 4 трупкамеры и 17 участков, обслуживавших уездные центры. Выходило, что один участок на суд обслуживал в среднем территорию свыше 5 волостей. Следственных участков было по уездам 33 и судополнительских 20, т. е. одна следственная камера приходилась, примерно, на 7 волостей и судополнительская на 10 волостей.

В самой Москве было всего 60 судей, 31 следователь и 26 судополнитель. Ясно, что при таком положении вещей нельзя было всерьез говорить не только о пропаганде советских законов в городе и деревне, но и просто о приличном обеспечении, особенно крестьянского населения, судебной защитой. Естественно, что в условиях нашего бездорожья нужно было быть либо большой энергией человеком, либо иметь такую необходимость, чтобы со всяким спором суметь пойти в суд за 35—40, а иногда и больше верст.

Недостаточность судебно-следственной сети, слабая связь и средства сообщения вынуждали суды затягивать дела на

несколько месяцев. В связи с огромным поступлением гражданских дел и в самой Москве дело обстоит неблагоприятно, загруженность судебных участков была настолько велика, что по ряду районов г. Москвы вновь поступающие дела могли назначаться к слушанию не ранее полутора—трех месяцев. А будучи, наконец, решено из-за перегрузки судополнительных решение суда долгие месяцы не могло быть приведено в исполнение. Значительное количество дел при отложениях, переназначениях и кассационном рассмотрении затягивалось до 3—6 месяцев и даже более. Поэтому Мосгубсуду пришлось концентрировать все свое внимание на упорядочении работы судебно-следственного аппарата, идя к этому двумя основными путями: с одной стороны, по пути устранения организационной невязки и рационализации аппарата, а с другой, по пути возможного и необходимого увеличения сети судебно-следственных участков и доведения количества таковых до нормально-необходимого состояния. За 1925 г. Мосгубсуду удалось довести расширение сети до следующих размеров:

	По Москве	По уездам
	С До % увеличен.	С до % увеличен.
Судебных уч.	60 76 26	61 83 41
Следственных.	31 37 19	33 46 39
Судисполнит.	26 62 139	20 36 80

В г. Москве каждому суд. участку была отведена определенная территория подсудности. К каждому судебному участку был прикреплен судисполнитель, обязанный проводить работу под непосредственным руководством и надзором народного судьи.

В уездах все участки, судебные, следственные и судисполнительские, были выведены на территории их подсудности. Радиус подсудности был сокращен до 20—25 и даже 15 верст. Один участковый суд стал обслуживать 2—3 волости в среднем, вместо прежних 5. Одна следственная камера стала приходиться в среднем на 4 волости вместо прежних 7, судисполнитель на 5—6 волостей вместо прежних 10 волостей. Расширение сети дало заметное снижение поступления дел по нарсудам уезда: с 180 дел в месяц по участку до расширения до 116—120 после. Расширение сети по самой Москве снижения количества поступления дел не дало, так как из месяца в месяц росло поступление дел. Для большего удобства обращающихся в суд Мосгубсуд ввел плановые регулярные выезды участковых судов в отдаленные от суда пункты, для разбора на местах дел, возникших в данной местности. В то же время и свою работу губсуд строил так, чтобы свести к минимуму вызовы крестьян в Москву, широко применяя выездные сессии. Всего выездных сессий губсуда за 1925 г. было: по угол. суд. отд. 97, рассмотрено 635 дел; по угол. касс. отд. 32, рассмотрено 1231 дело; по гражд. касс. отд. 31, рассмотрено 1129 дел.

В 1926 г. было выездных сессий: по угол. суд. отд. губсуда 107, рассмотрено 574 д.; по гражд. касс. 39, рассмотрено 1342 дела.

За первую половину текущего года: по угол. суд. отд. губсуда 46, рассмотрено 225 дел; по угол. касс. 9, рассмотрено 365 дел; по гражд. касс. 9, рассмотрено 379 дел. Заметное снижение количества выездных сессий объясняется, главным образом, соображениями режима экономии, а частью расширением подсудности нарсудов и предоставленным губсудам правом передачи некоторых категорий дел на осп. примеч. 2 к ст. 26 УПК.

Помимо указанных мероприятий, губсуд провел ряд других мероприятий по ускорению и упрощению судопроизводства. Губсуд издал в Москве милицию от вручения повесток, заключив договор с Московским почтамтом о доставке повесток, в результате повестки стали вручаться в двухкратный срок. По делам частного обвинения и гражданским делам введено было вручать повестки ответной стороне через истца или возбуждившего дело. Был введен личный прием посетителей судей каждого участка. Установлен по всем районам города Москвы вечерний прием дежурным судьей, чтобы избавить рабочих и служащих от потери рабочего времени. Существовавший до этого принцип вызова в суд на число и обычные 9 час. утра был дополнен вызовом на разные часы, с таким расчетом, чтобы в Москве рабочий день разбивался на 4—6 сроков, а в уездах не менее, чем на два. Вместо центральных справочных столов, существовавших по районам Москвы, вызывавших хвосты и очереди, введена была выдача справок по участкам. Кроме отмеченных выше мероприятий, для полной гарантии за успех дела Мосгубсуд одним из важных поставил вопрос об укреплении состава

судебных работников. Во второй половине 1925 г. весь состав ответственных работников губсуда и нарсудов Москвы и губернии был пересмотрен со стороны политической и общественной подготовленности и классовой устойчивости. Впросу подбора личного состава было уделено особое внимание, была создана для этой цели специальная комиссия, через которую были просеяны все судебные работники Москвы и губернии.

В результате всей работы по пересмотру личного состава произошло освежение состава, выразившееся в 37% выдвиженцев для состава судей, в 33,6 для состава следователей и в 37,2 для судисполнителей. На 1 января 1926 г. личный состав представлялся в такой цифровой таблице:

	Чл. губсуда	Зап. судьи	Судьи р-нов	Судьи уездов	Ст. следоват.	След. р-нов	След. уездов	Суд. исполн. Москвы	Суд. исполн. уездов	Всего.
Всего.....	46	13	78	97	8	38	46	58	37	421
Членов ВКП(б).....	43	8	72	92	5	17	17	33	28	315
В партийных.....	3	5	6	5	3	21	29	25	9	106
Рабочих.....	30	6	43	59	—	5	7	23	16	189
Крестьян.....	4	1	23	28	1	8	13	18	14	110
Пр. служ. и интел.....	12	6	12	10	7	25	26	17	7	122
Высш. образов.....	5	5	2	2	6	17	22	2	1	62
Среднее.....	8	5	18	9	2	15	11	13	5	86
Низшее.....	33	3	58	86	—	6	13	43	31	273
Мушкеры.....	41	11	71	96	7	34	44	57	37	398
Женщин.....	5	2	7	1	1	4	2	1	—	13

При подборе ответственных судебных работников губсуд уделял значительное внимание вовлечению женщин в судебную работу. В результате к концу 1926 г. по г. Москве и уездам числилось на ответственных судебных должностях 38 женщин, из них 32 в должности судей, что составляет 11% от общего количества судей, и 6 женщин в качестве следователей, что составляет 7% к общему числу следователей.

На ответственную работу в суде были выдвинуты преимущественно рабочие с производства и главным образом те, кто располагал достаточным стажем общественной, профессиональной или политической работы. Совокупность всех указанных мероприятий позволила губсуду закончить 1925 г. с таким итогом: на 1 января 1926 г. остаток нерассмотренных дел уголовных и гражданских по губсуду числился в количестве 5395, или 73% по отношению к остатку, имевшемуся на 1/1—25 г. (7.453). По нарсудам г. Москвы и уездов остаток нерассмотренных дел выражался в количестве 18.128, что составляло 53% к остатку на 1/1—25 г. (33.746 дел).

Достижение резкого понижения загрузки судов дало возможность к концу 1925 г. достигнуть следующей срочности прохождения дел:

	Москва		Уезды	
	Угол.	Гражд.	Угол.	Гражд.
До 7 дней.....	39,5	45,2	25,6	20,9
» 10 ».....	17,7	15,8	12	12,8
» 15 ».....	16,8	13,5	22	16,8
» 20 ».....	7,2	7,6	12,5	10,8
До 1 месяца.....	5,4	6,6	10,9	13,4
Свыше 1 м-ца.....	13,4	11,3	17,	25,3

Таким образом, в самом губсуде почти 75% уголовных дел рассматривалось в двухнедельный срок, 12% затягивалось до одного месяца и остальные 13% рассматривались в срок, превышающий месяц.

Гражданские дела выдерживали почти что одинаковые сроки. Медленнее, как видим, рассматривались дела в уездах, здесь в двухнедельный срок рассматривалось 59,6% угол. и 50,5% гражданских, при чем средний % дел рассматриваемых свыше месячного срока в уездах превышал процент губсуда по уголовным на 40 с лишним и по гражданским на 100%. Параллельно ускорению производства дел в народных судах достигнуто было ускорение прохождения дел в кассационных отделениях губсуда. В 1925—1926 г. дела городские (московские) заканчивались производством в большинстве в срок от 2 до 3 недель, а уездные в 1—1,5 м-ца.

Процент отмены обжалованных приговоров составлял в 1925/26 г. 21,1 по Москве и 22,4 по уездам, а в первой пол. тек. года 20,8 по Москве и 23 по уездам. Средний же процент отмены по губернии выразился в 22,2% в 1926 г. и в 21,8% за первую пол. тек. года. Незначительность снижения процента отмены отнюдь не говорит о слабом повышении ка-

чества работы нарсудов, а объясняется повышением требований, предъявляемых кассационной инстанцией к работе нарсудов, а также сложностью уголовного процесса.

В целях поднятия квалификации судебных работников была введена практика временных периодических откомандирований работающих в Москве нарсудей для работы в УКО, а членов угол. касс. отд. губсуда для работы в нарсуды. Исходя при этом из тех соображений, что необходимым условием работы каждого судьи кассатора является знание им содержания и условий работы суда первой инстанции и что, с другой стороны, успешность выработки единого понимания и единой судебной политики во многом зависит от знакомства судьи первой инстанции с работой кассацион. инстанции. Результаты этого мероприятия, проводимого и по сей день, положительны: многие старые нарсуды, проработав месяцы в кассационной инстанции, сами признают, что они убедились в правильности объема требований, предъявляемых кассационной инстанцией к работе нарсуда.

Достижения 1925 г. по ускорению рассмотрения поступающих в суды дел и более четкой постановки работы судебного аппарата лишней раз говорили за то, чего можно достигнуть в улучшении работы государственного аппарата при плановом и упорном подходе к работе. Поэтому в 1926 г. вопросу проведения во всех областях работы судебных мест губернии плановой системы Мосгубсудом было уделено максимум внимания. В результате, несмотря на то, что количество судебных участков как в Москве, так и по уездам оставалось почти то же, что и в 1925 г., а количество дел за счет, главным образом, гражданских росло, все же на 1 января 1927 г. мы имели следующие остатки нерассмотренных дел: по нарсудам г. Москвы 10.845 дел и по нарсудам уездов 6.730 дел, а всего по нарсудам губернии 17.575 дел или на 2,5 процента меньше к остатку на 1/1—26 г. (18.128). Интересно проследить из года в год рост гражданских дел как по нарсудам, так и по губсуду.

Если взять за исходное начало год введения нэп'а (1921 г.), то увидим, как быстро росло поступление гражданских дел. Например: в 1923 г. в губсуд в порядке подсудности поступило 2.582 гражд., в 1924 г. 5.080, в 1925 г. 4.268 и в 1926 г. поступило 5.455 дел. Как видим, поступление гражданских дел по сравнению с 1923 г. возросло в 1926 г. на 200 с лишним процентов. По нарсудам гор. Москвы и губернии процесс роста поступления гражданских дел следующий: за 1921 г. по всем нарсудам Москвы и губернии числилось поступившими 29.702 дела, в 1922 г. 61.364 дела, в 1923 г. 70.416 дел, в 1924 году 11.848 дел, в 1925 г. 177.124 дела и в 1926 году 237.638. За первый квартал тек. года (исключая гражданский отдел губсуда) по одним лишь нарсудам г. Москвы вместе с трудсесней поступило 38.405 гражданских дел, а за второй квартал по тем же судам поступило 38.681 гражд. дело. По уездам за 1 пол. 1927 г. поступило 41.428 дел и в гражд. отдел губсуда—2.542 дела.

След. за 1 половину 1927 г. по нарсудам г. Москвы и губернии и трудсесней поступило 120.956 гражд. дел. Таким образом, рост гражданских дел, поступающих в нарсуды губернии, по отношению к 1925 г. выразится: в 1926 г. в 24—25 процентов и в 1927 г., примерно, в 37—38 процентов.

Поскольку рост уголовных дел по всем нарсудам Московской губ. незначителен, мы на нем останавливаться не будем. Почти устоявшаяся стабильность поступления уголовных дел видна из сведений за 1 половину 1927 г., где значится поступившими с 1 по 1/IV с. г. по нарсудам г. Москвы и трудсесней 14.052 дела и с 1/IV по 1/VII с. г. 14.711 дел, или рост всего лишь на 4 с лишним процента.

По плану ориентировочно на каждого нарсудью-участок предусмотрено было рассмотреть всего 200 дел в месяц, на практике оказалось, что такой план реален. В среднем на каждый судебный участок рассматривается в месяц 186—190 дел. В результате под конец 1926 г. мы имели такой результат в отношении сроков прохождения дел: процент рассмотрения в семидневный срок увеличился по нарсудам г. Москвы по уголовным с 39,5 в конце 1925 г. до 53%; по гражданским же делам ускорение выразилось лишь на один процент. По нарсудам в уездах мы имели небольшой сравнительно процент ускорения рассмотрения дел по сравнению с концом 1925 г. Так, напр., количество рассмотренных уголовных дел в конце 1926 г. до 7 дней составляло почти то же, что и в 1925 г., в остальных случаях были небольшие колебания вверх и вниз. Лишь в отношении гражданских дел сроки прохождения по сравнению с концом 1925 г. сократились к концу 1926 г. в среднем на 5%.

Первая половина тек. года представляет следующую картину сроков прохождения дел: по нарсудам г. Москвы рассмотрено до семи дней—43,6% уголовных и 50,5% граждан-

ских, до 15 дней 35% уголовных и 28,4% гражданских или 78,6% все уголовных и 78,9% гражданских рассматриваются в 2-недельный срок.

По нарсудам уездов рассмотрено до 7 дней 23,9% угол. и 24,4% гражданских, до 20 же дней всего рассмотрено: 68,7% уголовных и 66,5% гражданских. Сравнивая это с тем, что мы имели по уездам в конце 1925 г., видим, что процент рассмотрения уголовных дел до 20 дней немного даже снизился (72,1—68,7), а гражданских дел повысился на 6,2%, а в общем увеличение всего лишь на 0,9%.

В общем же, как видим, конец 1926 и первая половина т. г. показывают почти что стабильность в сроках прохождения дел. Это обстоятельство говорит нам о том, что основные организационные моменты и физическая возможность судебных работников в основном использованы почти на все сто процентов, что дальнейшие достижения на пути уменьшения сроков прохождения дел едва ли могут идти за счет физической нагрузки судебных работников и что вся работа в этом направлении должна идти частью по линии дальнейшей рационализации технического аппарата суда, а главным образом, за счет радикального упрощения уголовного и гражданского процесса, над чем, как нам известно, работают в надлежащих инстанциях (НК РКК и НКЮ). Будем надеяться, что в недалеком будущем мы получим упрощенные уголовный и гражданский процессуальные кодексы. Иначе первый серьезный скачок в росте поступления дел неизбежно поставит под угрозу достигнутые нами результаты в ускорении процесса рассмотрения дел.

Член Московского губсуда С. Болтинов.

Библиография.

С. Зайцев и В. Лебедев.—«Положение о векселях с постоянной-систематизированными материалами». Изд. Юрид. Из-ва НКЮ РСФСР. 1927 г. Стр. 156. Цена 1 р. 10 к.

Наше положение о векселях, изданное еще в начале 1922 г. и с тех пор лишь незначительно дополненное, отличается чрезвычайной краткостью. Насчитывая всего-навсего 33 статьи, из коих 16 статей посвящено переводному векселю, мало обращающемуся в пределах нашего внутрисюжного оборота, и уделяя, таким образом, нормам «действующего» вексельного права во всем его объеме всего 17 статей, положение о векселях, разумеется, далеко не полно, не охватывает ряда актуальнейших вопросов. Достаточно для примера привести, что наш закон не знает препоручительной надписи, что хорошо известный нашему обороту гарантийный, соло-вексель, законом не урегулирован, что вопросы вексельной правоспособности, имеющие в наших условиях специфическое содержание, поскольку у нас речь идет не о правоспособности физических, а о вексельной правоспособности юридических лиц, что все эти вопросы положением о векселях обойдены.

Естественно, что при таком состоянии органического закона, приобретает огромное значение то богатое и пестрое нагромождение судебных решений, ведомственных циркуляров, инструкций, финансовых и кредитных регулирующих органов, которые сопровождают и направляют ход нашего вексельного оборота. Изданные в разное время и по разным поводам, разбросанные по различным изданиям все эти материалы мало доступны как для справок, так и для более общих теоретических работ по вопросам нашего вексельного права, приходится еще иметь в виду, что большое количество законодательных норм, чрезвычайно важных для вексельного оборота, кодифицированы отдельно от положения о векселях. Сюда, например, относится «Устав о Гербовом Сборе».

Т.г. Зайцев и Лебедев собрали в рассматриваемой книге до 300 разъяснений по вопросам вексельного права. Здесь мы имеем важнейшие принципиальные решения Пленума Верховного Суда, его Гражданской Кассационной Коллегии, ВАК РСФСР, циркуляры НКЮ и Отдела Законодательных Предположений и Кодификации, разъяснения Госналога, Госбанка и др. Кроме того, в сборнике приведен в извлечениях ряд отдельных законов и постановлений, регулирующих вопросы, примыкающие к вопросам вексельного оборота, каковы положение о нотариате, инструкции НКЮ к этому положению; устав о гербовом сборе.

Судя по предисловию составителей, они ориентировались на обслуживание практика-хозяйственника-юриста. Думается, что цель, поставленная ими, достигнута. Исчерпывающие разъяснения по вопросам о форме векселя, способе его написания,

оплаты гербовым сбором (не исключая способа погашения гербовых марок), о значении, формах и видах надписей, внутриведомственные (по Госбанку) распоряжения по вопросам учета, протеста, взыскания по векселям—все эти сведения необходимы для каждого хозяйственника, имеющего дело с векселями. Здесь важно было соблюсти два необходимых условия для того, чтобы сборник отвечал своему назначению. Весь разъяснительный материал должен быть дан в исчерпывающем объеме. Это первое условие. А второе условие—это тщательная систематизация. Что касается количества приведенных в сборнике разъяснений, то мы не можем указать на какой-либо существенный пропуск.

В отношении систематизации приходится считаться с тем, что составители в основу ее приняли расположение материалов по статьям.

В связи с этим могли бы быть высказаны сомнения по поводу отнесения к одной, а не к другой статье положений того или иного решения циркуляра НКЮ, Госналога и т. п.

Нам представляется совершенно непонятным помещение под 2 статью положения тезиса и соответствующего решения ВАК ЭКОСО РСФСР о «допустимости принятия на себя векселедателем уплаты учетного процента по векселю лишь в порядке заключения особого дополнительного к вексельному обязательству договора». Ст. 2 положения о векселях трактуется о формальных реквизитах векселей, и ставить эту статью в связь с приведенным вопросом никак нельзя. Мы не можем также согласиться с отнесением вопросов учета векселей и ряда существенных разъяснений, относящихся к институту специального текущего счета, к ст. 4 положения о векселях трактуемой о времени платежа по векселям. Ибо мы считаем спешной трактовку учета векселя как досрочную его оплату. Учесть вексель не значит его оплатить. Надо, однако, отметить, что таких «не у места пристроенных» разъяснений все-таки немного, а в общем циркулярный и разъяснительный материал расположен правильно и в такой системе, которая не представляет затруднений для получения справки. Этому же помогает и алфавитно-предметный указатель и оглавление.

Составители не ограничились одной перепечаткой законов и официальных разъяснений. Большую ценность представляют те тезисы, которые резюмируют коротко основную мысль приводимого циркуляра или определения и которые обыкновенно предшествуют тексту официального материала. Эта теоретическая часть сборника выполнена вполне удачно, хотя здесь не обошлось, к сожалению, без существенной ошибки, на которую, в виду принципиальной важности ее, мы считаем необходимым обратить внимание. Мы имеем в виду 3 тезис к ст. 7. Он гласит: «Неприменимость правил Гр. Кодекса к передаче векселя в порядке ст. 7 пол. о векселях» и приведенное под этим тезисом определение Верховного Суда отрицает применение к конкретному случаю ст. 138 Гр. Код., а также ст. 106, 147 и 402 ст. ГК, но оно не может быть истолковано в том смысле, что вообще правила Гражд. Код. к передаче векселя неприменимы. Навердя ли составители станут отрицать, что ст. 30—35 ГК действуют и в отношении сделки по передаче векселя.

Собранный в сборнике обширный правовой материал выявляет очень ярко особенности нашего вексельного оборота, а также и те трудности, с которыми приходится встречаться на практике в виду недостаточной все еще разработанности многих основных проблем нашего хозяйственного права. Сюда следует отнести в первую очередь проблему субъекта права, вопрос о пределах правоспособности учреждений, и, в частности, вексельной их правоспособности. Из приведенного в сборнике разъяснения НКЮ и Верховного Суда (№ 84, 88 и 91 к ст. 1) мы видим, что у нас одно время понятие специальной вексельной правоспособности отрицалось. Кто вообще правоспособен, тот правоспособен и на выдачу векселя. Но вот в отношении госбюджетных учреждений декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27/IX 1927 г. постановляет, что общая правоспособность госбюджетного учреждения не включает права выдачи векселей. Таким образом, у нас официально проводится различие между общей и специально вексельной правоспособностью. Мы полагаем, что в силу этого постановления ВЦИК и СНК от 26/IX 1926 г. потеряло свое значение не только разъяснение III Отдела НКЮ от 24 июня 1925 г., приведенное в сборнике под № 84, но отчасти также и те принципиальные указания, которые содержатся в разъяснении Пленума Верховного Суда от 28 июня 1926 г., помещенном в сборнике под № 91 к 1 статье. Между тем авторы сопроводили только первое разъяснение своим примечанием о том, «что они перепечатали его лишь как материал по вопросу» (очевидно, исторический). Мы думаем, что в настоящее время такое же историческое значение имеет и разъяснение Пленума Верховного Суда от 28/VI 1926 г. Впрочем, анализ отдельных правовых вопросов не вхо-

дит в задачу настоящей заметки, имеющей цель высказаться по поводу книги т.т. Зайцева и Лебедева.

Возвращаясь же к последней, мы в заключение считаем долгом признать книгу весьма умело и хорошо составленной, отвечающей на несомненную потребность в ней широких кругов хозяйственных и судебных работников.

Ф. Вольфсон.

Систематический указатель юридической литературы за сентябрь 1927 г.

I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВА.

Б. Д. Сперанский. Закон и административное постановление, как источники судебных решений. Отд. оттиск из вып. XIII Сборника трудов Иркутск. Гос. Университета. Иркутск. 1927. 100 стр. Ц. 60 к.

II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Н. П. Карадже-Искров. Новейшая эволюция административного права. Издание изд. бюро Иркутского Госуниверситета. Иркутск. 1927. 39 стр. Ц. 50 коп.

И. П. Кожиков. Положение о городских советах. Поста-тейный комментарий с обзорами законодательства, под ред. И. А. Бермана и И. С. Михайлова. Изд. Коммакадемии. М. 1927. 248 стр. Ц. 2 р. 85 к., в ланке 3 р.

А. Алякринский. Изменения в области регистрации актов гражданского состояния в связи с постановлением ВЦИК'а от 24 июля 1927 г. («Административный Вестник» № 7—8).

О. Бородина. Из практики административных взысканий («Административный Вестник» № 7—8).

Г. Витин. Вопросы избирательной отчетности («Власть Советов» № 39).

В. Власов. Письменный розыск лошадей по карточкам («Административный Вестник» № 9).

В. А. Власов. Обязательные постановления местных органов Советской власти («Советское Право» № 4).

Гефеле. Об упрощении порядка наложения взысканий за самовольные порубки леса («Власть Советов» № 38).

Г. С. Гуревич. Об административных правах исполкомов районированных местностей («Административный Вестник» № 7—8).

Г. Гуревич. Образование Ленинградской области и вопросы административного управления («Административный Вестник» № 9).

В. Н. Дурденевский. К вопросу о неподвижности конституций и неконституционности законов в Соединенных Штатах («Советское Право» № 4).

Б. Железнов. Типовые обязательные постановления («Власть Советов» № 37).

З., В. К. К вопросу о руководстве низовыми советскими органами («Власть Советов» № 37).

А. Золотаревский. Роль сельсоветов в разрешении земельных споров («Власть Советов» № 35—36).

К пересмотру прав и обязанностей местных органов советского управления—передовая из № 35—36 «Власть Советов».

Б. Каврайский. Работа секций горсоветов требует уточнения («Власть Советов» № 39).

В. Клокотин. Некоторые итоги надзора НКВД за обязательными постановлениями исполкомов («Административный Вестник» № 7—8).

В. Клокотин. Вопросы упрощения, улучшения административного аппарата и приближения его к населению, по материалам обследования местных адморганов («Административный Вестник» № 9).

С. Крылов. Рационализация в работе милиции («Административный Вестник» № 7—8).

И. Любарский. Прусский закон о полицейской службе («Административный Вестник» № 9).

П., В. Несколько предложений об изменении закона о сельских исполнителях («Административный Вестник» № 9).

И. В. Перетерский. О необходимости кодификации коллизионных норм («Советское Право» № 4).

Т. Попова. Основные моменты упрощения делопроизводства по ЗАГС («Административный Вестник» № 7—8).

П.—т. Плановая работа местных органов власти в организационной области («Власть Советов» № 35—36).

Проф. И. К. Сухоплюев. Расширение прав местных органов власти («Вестник Советской Юстиции» № 18).

Б. Шааров. Об уставе Рабоче-Крестьянской милиции («Административный Вестник» № 7—8).

А. А. Шумахер. Психотехнические испытания для служащих берлинской наружной полиции («Административный Вестник» № 7—8).

М. Якубсон. Еще о формах и методах обследования низового аппарата («Власть Советов» № 35—36).

М. Якубсон. О президиумах сельсоветов («Власть Советов» № 37).

М. Якубсон. Надо упорядочить работу комиссий при вол-исполкомах («Власть Советов» № 38).

III.

ТРУДОВОЕ ПРАВО.

В. В. Глен. Зачем нужен колдоговор. Госиздат. М.—Лнгр. 1927. 29 стр. Ц. 6 коп.

Б. Н. Гутерман. Новые законы о назначении и выдаче дополнительных пособий по социальному страхованию. Практический комментарий. Из-во «Вопросы Труда». М. 1927. 42 стр. Ц. 25 коп.

Э. Андерсон. Практические вопросы работы трудовых судов («Пролетарский Суд» № 17—18).

Г. Белкин. О групповом найме (к проекту постановления НКТ) («Вестник Труда» № 8).

И. С. Войтинский. Фашизация профсоюзов и принудительный арбитраж в Италии («Советское Право» № 4).

В. М. Догадов. Характерные черты трудового договора («Советское Право» № 4).

Ю. Жанин. Итальянское трудовое право («Рабочий Суд» № 18).

А. Захаров. Несчастные случаи и трудовая дисциплина на производстве («Пролетарский Суд» № 17—18).

Е. Койре. Вопросы семьи и брака в практике соцстраха («Вопросы страхования» № 37).

И. Кузнецов. К каким хозяйствам применить «Временные правила» («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 37).

В. Кузятин. Новое в страховании батрачества («Вопросы страхования» № 39).

В. Кузятин. Страхование работников учреждений Союза ССР за границей («Вопросы Страхования» № 37).

В. Кузятин. Учет доходов и заработков пенсионеров (право на пенсию и предел допустимого заработка) («Вопросы Страхования» № 38).

А. Осипович. Сотрудничество страхкасс с отделами труда (по поводу циркуляра НКТ СССР от 4 авг. 1927 г.) («Вопросы страхования» № 36).

Э. Теттенборн. «Страховые» права призываемых и демобилизуемых («Вопросы страхования» № 36).

Б. Файнгольд. Уточнение социального страхования («Вестник Труда» № 8).

Б. Царегородцев. Дисциплинарная ответственность лиц за трудовые правонарушения («Пролетарский Суд» № 17—18).

Б. Царегородцев. Ведомственные стажеры («Вопросы страхования» № 36).

IV.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО.

С. Гликин. Ст. 26 Лесного Кодекса и леса местного значения («Рабочий Суд» № 18).

И. Ку克林. Нужно ли принимать в расчет усадебные земли при переделах и разверстании («С.-Х. Жизнь» № 36).

Н. Ленивец. О восстановлении нарушенных прав («С.-Х. Жизнь» № 38).

А. А. Ржаницын. Роль ОКВК в свете новых законоположений («С.-Х. Жизнь» № 34).

Н. Сен-Желен. Надо упростить оформление землеустроительных работ («Сел.-Хоз. Жизнь» № 37).

Н. Сен-Желен. О подсудности споров о правах на землю в обществе, возникающих при переделах земли на широкополосицу («С.-Х. Жизнь» № 34).

Н. Сен-Желен. О переделах земли в обществах, по ходатайству меньшинства («С.-Х. Жизнь» № 36).

Т., И. Раздел двора и фактический брак («С.-Х. Жизнь» № 38).

Трегубов. Повторные иски о семейно-имущественных разделах («С.-Х. Жизнь» № 34).

Б. К. Тумский. Ст. 8 инструкции о семейно-имущественных разделах («С.-Х. Жизнь» № 34).

Б. Тумский. В защиту прав крестьянки на землю («Сел.-Хоз. Жизнь» № 37).

Череннов. К вопросу об усадебных землях («Сельско-Хозяйственная Жизнь» № 37).

V.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Г. В. Беляков. Несколько соображений о месте следаппарата («Рабочий Суд» № 18).

Д. Бродский. Большая роскошь (о следаппарате) («Рабочий Суд» № 18).

Л. Гальперин. Ненужные опыты («Рабочий Суд» № 18).

Ф. Нахимсон. Следаппарат, суд и прокуратура («Рабочий Суд» № 18).

Ф. Сафонов. Трудовые сессии и ст. 35 Положения о судостроительстве («Рабочий Суд» № 18).

Т. Ф. Вопросы нотариальной практики («Пролетарский Суд» № 17—18).

Ф. Шумятский. О новых задачах прокуратуры («Пролетарский Суд» № 18).

Н. Яковченко. Кто тогда будет отвечать (о следаппарате) («Рабочий Суд» № 17).

VI.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, БРАЧНОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ОПЕКУНСКОЕ ПРАВО.

С. В. Александровский. Гражданский процесс РСФСР в вопросах и ответах, с разъяснениями НКЮ и Верховсуда РСФСР. Из-во «Рабочий Суд». Лнгр. 1927.

П. В. Гидулянов. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием. Под ред. П. А. Красикова. Из-во «Рабочий Суд». Лнгр. 1927.

К. А. Граве. Торговые установления. Финансовое из-во НКФ СССР. М. 1927. 95 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Н. С. Дадьянц. Иски об алиментах. Взыскания в судебном порядке на содержание детей, родственников и супругов. Из-во «Право и Жизнь». М. 1927.

М. В. Зимелева. Покладка на товарных складах. Финансовое из-во НКФ СССР. М. 1927. 85 стр. Ц. 90 к.

С. Ландкоф. Проблема развития акционерного права. Юрид. из-во Наркомюста УССР. Харьков. 1927.

А. А. Тарнопольский. Продажа-покупка жилой площади. С прилож. текста действующих законов и постановлений. Из-во «Правовая Защита». М. 1927. 24 стр. Ц. 25 к.

Барзман. Пересмотр кассационных определений («Рабочий Суд» № 17).

Б. Борисов. О постоянных и временных жильцах (анализ постановлений ВЦИК и СНК от 1/VIII—27 г.) («Пролетарский Суд» № 17—18).

К. М. Варшавский. Переход права собственности на покупателя при купле-продаже с рассрочкой платежа («Советское Право» № 4).

Гайбунов. Оценка арестованного имущества («Пролетарский Суд» № 17—18).

Н. Л. Зильберштейн. Ответственность страхователя за действия третьих лиц («Советское Право» № 4).

Н. Иванов. Обзор судпрактики и законодательства по делам материальной ответственности лиц занятых наемным трудом («Рабочий Суд» № 17).

Проф. Е. И. Кельман. Спор о ст. 1 Гражданского Кодекса («Вестник Советской Юстиции» № 18).

Ю. Мазуренко. О проекте нового Гражданского Кодекса («Вестник Советской Юстиции» № 18).

Марнов. К отмене кебинных актов в Азербайджане («Власть Советов» № 38).

З. Могиленская. Окончательный проект итальянского торгового кодекса («Вестник Советской Юстиции» № 18).

Ю. Позан. Обязанность загладить вред («Рабочий Суд» № 18).

М. О. Рейхель. Концессии в советском законодательстве и практике («Советское Право» № 4).

Я. Ривлин. Ответственность госучреждений по договорам поручительства по рабочему кредитованию («Рабочий Суд» № 18).

А. Розенберг. К вопросу об основных началах гражданского права РСФСР («Пролетарский Суд» № 17—18).

Д. Свешников. О начальном моменте исковой давности («Рабочий Суд» № 17).

В. Серебровский. Новый закон о залоге товаров, находящихся в обработке и переработке («Власть Советов» № 37).

Ф. Троицкий. Совершение нотариальных актов на куплю-продажу строений с рассрочкой платежа («Пролетарский Суд» № 17—18).

Я. Эрлих. Ст. 80 ГПК и вопросы ускорения гражданского процесса («Рабочий Суд» № 18).

VII.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА И СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА.

М. Андреев, Г. Бахров и С. Лозинский. Уголовный процесс РСФСР. Под ред. А. Я. Эстрина. Из-во «Рабочий Суд». Лнгр. 1927.

А. А. Ганин. Уголовный Кодекс РСФСР ред. 1926 г., в вопросах и ответах. Практический комментарий на основе судебной практики Верховсуда РСФСР и циркуляров НКЮ. Юрид. из-во Наркомюста РСФСР. М. 1927. 252 стр. Ц. 2 р. 25 к.

А. М. Глузман и Б. Я. Арсеньев. Сравнительная таблица статей и мер социальной защиты Уголовного Кодекса РСФСР новой и старой редакции. Юрид. из-во Наркомюста РСФСР. М. 1927. 35 стр. Ц. 80 коп.

В. Громов. Производство дознаний и предварительных следствий в вопросах и ответах. Практическое пособие и комментарий к Уголовно-Процессуальному Кодексу. Под ред. Н. В. Крыленко. Юрид. из-во Наркомюста РСФСР. М. 1927. 205 стр. Ц. 1 р. 40 коп.

Проф. А. А. Жижиленко и проф. Л. Г. Оршанский. Половые преступления. Из-во «Рабочий Суд». Лнгр. 1927.

Уголовный Кодекс. Научно-практический комментарий под редакцией проф. М. Н. Гернета и проф. А. Н. Трайнина. Из-во «Право и Жизнь». М. 1927. 390 стр. Ц. 4 р. 50 коп.

П. Г. Алимов. Состояние преступности в Сибири («Административный Вестник» № 7—8).

В. Власов. Высылка и ссылка в судебном порядке (ст.ст. 35 и 36 УК).

В. Власов. Итоги борьбы с хулиганством («Административный Вестник» № 9).

В. Власов. Дактилоскопия на службе розыска («Административный Вестник» № 9).

И. Воловицкий. Когда заочный приговор вступает в законную силу (ст.ст. 454 и 265 УПК) («Рабочий Суд» № 17).

Герцензон. Изучение московской преступности («Пролетарский Суд» № 17—18).

Проф. М. М. Гродзинский. О предании суду («Вестник Советской Юстиции» № 18).

Евфарецкий. Применение шапирографской ленты в уголовной технике («Административный Вестник» № 9).

Д. Карницкий. Основные принципы кассационно-ревизионного рассмотрения уголовных дел в Верховном Суде РСФСР («Рабочий Суд» № 18).

М. Кесслер. Рабочие части мест заключения («Административный Вестник» № 7—8).

Китаев. О работе служебно-розыскных собак («Административный Вестник» № 9).

И. Любарский. Уголовный розыск и прокуратура в Германии («Административный Вестник» № 7—8).

П. Петров. Где отбывать лишение свободы военным, осужденным за отказ нести службу по религиозным убеждениям («Рабочий Суд» № 18).

В. Пирогов. Борьба с самогоноварением («Административный Вестник» № 9).

С. М. Потапов. Регистрационный метод раскрытия преступлений по индивидуальным признакам преступных действий («Административный Вестник» № 7—8).

Н. Н. Семенов. Конский билет (паспорт) и регистрации перехода лошадей, как мера предупреждения конокрадства.

С. Тагер. Принудительные работы в Москве («Административный Вестник» № 7—8).

С. Тагер. Два вида насилия («Административный Вестник» № 9).

У., Б. Проблема тюрем в Государственном Институте по изучению преступности и преступника («Административный Вестник» № 7—8).

А. Чернышев. Принудительные работы (организация и практика принудработ) («Рабочий Суд» № 18).

Е. Ширвиндт. Необходимые сдвиги в судебно-неправительной политике («Административный Вестник» № 9).

В. Якубсон. Места заключения и местный бюджет («Административный Вестник» № 7—8).

В. Якубсон. Бюджетные перспективы госбюджетных мест заключения («Административный Вестник» № 9).

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: ЦИРКУЛЯРЫ НКЮ: №№ 177, 178, 179 180, 181.—Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

ЦИРКУЛЯРЫ НАРКОМУСТА.

Циркуляр № 177.

Край, сбл., губ. судам и прокурорам.

О немедленном погашении недоимок по целевой надбавке на рабжилстроительство за 1926/27 г.

Согласно распоряжения Зам. Председателя СНК РСФСР т. Лежава от 22/IX—27 г., основанного на постановлении СТО от 21 сентября с. г., Народный Комиссариат Юстиции предлагает принять меры к немедленному погашению недоимок по целевой надбавке на рабжилстроительство за 1926/27 г., как по государственному, так и местному бюджетам за суммы, выплаченные в содержание личного состава судебных учреждений и органов прокуратуры.

За Народного Комиссара Юстиции
Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

28 сентября 1927 года.

Циркуляр № 178.

Всем край, сбл. и губ. судам.

О выдаче судебных приказов по типовым образцам заемных обязательств по ссудам между учреждениями сельско-хозяйственного кредита.

В дополнение к циркуляру НКЮ от 30 июня 1926 г. за № 121 («Еж. Сов. Юст.» № 28), Нар. Ком. Юстиции предлагает на основании п. «г» ст. 210 ГКК (в редакции постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июля 1927 г.—«Извест. ВЦИК» № 183 от 19 августа 1927 г.), выдавать судебные приказы по взысканиям денежных сумм по ссудным операциям между учреждениями сельско-хозяйственного кредита на основании заемных обязательств, выдаваемых по приводимой ниже форме, выработанной Сельско-Хозяйственным Банком РСФСР.

За Народного Комиссара Юстиции Бранденбургский.
Член Коллегии НКЮ Осипович.

1 октября 1927 г.

Приложение к циркуляру.

Примерная форма заемного обязательства по ссуде между учреждениями сельско-хозяйственного кредита.

гор.....192 года На рублей.....

Заемное обязательство.

(указание месяца, числа и года).....
(наименование должника) обязуется уплатить в.....
(указание м.сто платежа).....
(наименование кредитующего учреждения) или кому он прикажет руб.
полученные им за счет..... средств в ссуду (заем) на.....
.....(указание цели)

Подпись.....

Все права по настоящему обязательству передаю.....
.....с тем, что принимаю по
сему солидарную.....
ответственность.

Подпись.....

Циркуляр № 179.

Край, сбл., губ. судам и прокурорам.

О заготовке регистрационных карточек на 1928 г.

Опыт централизованного снабжения местных органов юстиции регистрационными карточками показал, что такой способ снабжения является наиболее целесообразным и экономически выгодным, ибо предоставляет возможность строго выдерживать единообразие карточек и благодаря высокому тиражу максимально снизить стоимость.

В предстоящем году снабжение регистрационными карточками будет производиться следующим образом.

1. Органы юстиции, состоящие на государственном бюджете, получают карточки согласно прошлогодней разверстки, при чем краевые и областные суды и прокуратуры представляют в НКЮ заявки с указанием количества карточек, потребного для краевого или областного центра и для каждого окружного суда и окружной прокуратуры в отдельности.

2. Органы юстиции, состоящие на местном бюджете, должны не позднее 1 ноября т. г. прислать заявки на регистрационные карточки непосредственно в 1-ю Образцовую типографию Госиздата по адресу: Москва, 17. Пятницкая ул., 71, 1-я Образцовая типография Госиздата.

НКЮ не может гарантировать своевременное снабжение карточками тех органов юстиции, которые пришлют заявки позже 1 ноября.

В целях ускорения выполнения заказов и упрощения отчетности, заявки на карточки от органов юстиции, состоящих на местном бюджете, рекомендуется посылать и производить расчет за карточки только через окружные, губернские и краевые суды, в крайних же случаях—через уполномоченных губернских судов.

3. Одновременно с направлением заявки в типографию, копия заявки направляется в Административный отдел НКЮ для наблюдения за своевременным исполнением заказов. В Административный же отдел надлежит направлять все жалобы на действия типографии, связанные с изготовлением и рассылкой регистрационных карточек.

4. Регистрационные карточки местных органов юстиции будут высылаться типографией только за наличный расчет с наложенным платежом за пресылку, при чем способ пересылки указывается заказчиком (почта, железная дорога, большая или малая скорость).

Заявки от органов юстиции, состоящих на местном бюджете, должны быть составлены таким образом, чтобы количество карточек каждой из запрашиваемых форм было кратно пятистам (500 шт., 1.000 шт., 1.500 шт., 3.000 шт., 3.500 шт. и т. п.).

Такое требование объясняется техническими условиями нарезки и упаковки карточек (по 500 шт. в пачке).

Стоимость регистрационных карточек безотносительно к формам с упаковкой, без пересылки, при снабжении централизованным порядком 1 руб. 47 коп. за 1.000 штук.

5. Все произведенные заказы после 1 сентября и невыполненные до сего времени должны быть вновь подтверждены до 1 ноября с. г. на условиях, изложенных в настоящем циркуляре.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

1 октября 1927 г.

Циркуляр № 180.

Всем край, сбл. и губ. прокурорам.

Копия: Прокурорам авт. республик.

Об отмене отчетных сведений, установленных распоряжением Отд. Прокуратуры № 41—2846—25 года, п. 6-м таблицы срочных донесений № 927815—25 г. и циркулярным письмом № 41КОРР22.

Народный Комиссариат Юстиции отменяет представление краевыми, областными и губернскими прокурорами в НКЮ следующих периодических отчетных сведений:

1) списков помощников прокурора с указанием участков и выполняемых ими функций по состоянию на 10-е число каждого месяца (распоряжение Отд. Прокуратуры НКЮ № 41—2846 от 9 ноября 1925 года);

2) сведений о штатном и фактическом контингенте по тарифным разрядам работников прокуратуры (табель срочных донесений, введенный Отд. Прокуратуры НКЮ 28 ноября 1925 года за № 927815 п. 6-й);

3) ведомостей по форме № 2-А о движении следственных дел у старших и народных следователей и по форме № 3 о движении дознаний у народных следователей (циркулярное письмо НКЮ от 6 июля 1926 г. за № 41КОРР22). Порядок сообщения старшими и народными следователями копий ведомостей по форме №№ 2—А и 3 краевым, областным и губернским прокурорам и их помощникам одновременно с представлением подлинных ведомостей в ИРО соответствующим.

ющих краевых, областных и губернских судов, предусмотренный пунктом 18 временной инструкции по статистической отчетности судебно-следственных и исполнительных органов (приложение к циркуляру № 224 от 15 декабря 1926 г.) и пунктом 1 циркуляра № 40 от 15 февраля 1927 г., остается в силе.

Зам. Народного Комиссара Юстиции
и Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.
Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

11 октября 1927 г.

Циркуляр № 181.

Всем край, обл., губ. и окружным судам.

О перевыборах членов судов и запасных судей краевых, областных, губернских и окружных судов, народных судей и народных заседателей на 1928 год.

Из имеющихся в распоряжении Народного Комиссариата Юстиции материалов видно, что при перевыборах судей и нарзаседателей в предшествующие годы наблюдались следующие недочеты: а) перевыборы судработников и нарзаседателей в отдельных губерниях и областях продолжались в течение всей первой четверти, а иногда и всей первой половины того года, на который избирались судработники или нарзаседатели; б) на местах не было уделено надлежащего внимания изучению личности кандидатов на должности судей, в результате чего довольно значительное число вновь избранных пришлось отозвать до срока с занимаемой должности, как непригодных к судебной работе; в) при избрании нарзаседателей также не было принято надлежащих мер к тому, чтобы были избраны лица, достаточно подготовленные к исполнению обязанностей нарзаседателей; г) наконец, к участию в судебной работе в качестве судей и нарзаседателей было привлечено весьма незначительное число женщин.

Отмечая все эти недочеты, имевшие место в предшествующие перевыборные кампании, Народный Комиссариат Юстиции предлагает при проведении предстоящих перевыборов судработников и нарзаседателей на 1928 год принять к руководству следующие указания:

1. Заблаговременно принять меры (путем согласования с президиумом исполкома) к тому, чтобы к 1 января 1928 г. был избран соответствующим исполкомом состав край-, обл-, губ- или окрсуда и чтобы в течение трех дней после избрания списки избранных были бы направлены на утверждение в НКЮ (ст.ст. 41 и 112 Пол. о Судостр.) или крайисполком (ст. 136 Полож. о Суд.) по принадлежности, с приложением выписки из постановления исполкома по данному вопросу, а равно выписок из трудсписков на вновь избранных.

Примечание. Представление в НКЮ перечисленных документов является обязательным также и для окружных судов после утверждения состава последних крайисполкомами.

2. Озаботиться своевременным представлением в соответствующие исполкомы или горсоветы списков кандидатов в народные и запасные судьи (ст.ст. 16 и 58 Пол. о Суд.) с таким расчетом, чтобы таковые могли быть избраны до 1 января 1928 г.

3. При обсуждении кандидатур лиц, выдвигаемых на судебные должности, помимо соблюдения требований, изложенных в ст.ст. 15, 40 и 58 Положения о Судостроении, надлежит также выяснить, достаточно ли эти лица знакомы с действующим законодательством и смогут ли они вполне справиться с теми обязанностями, которые на них будут возложены, в силу их избрания на должности членов суда, запасных и народных судей.

4. Наряду с этим, надо уделить серьезное внимание вопросу о привлечении в работу суда путем избрания на судебные должности большего количества женщин и в особенности тех работниц и крестьянок, которые проявили умение разбираться в судебных делах и проводили правильную классовую линию, участвуя в суде в качестве нарзаседателей.

5. Приступить немедленно к разработке плана проведения перевыборов народных заседателей с соблюдением требований, изложенных в циркуляре НКЮ от 13 октября 1924 г. за № 168 («Е. С. Ю.» 1924 г. № 39—40), наметив при этом персонально ответственных докладчиков на собраниях при проведении кампании. Необходимо точно выполнить требо-

вание ст. 20 ОПЛ. о Судостроении о том, чтобы разверстка соответствующего количества заседателей для нарсудов была начата не позже 1 ноября, а списки народных заседателей для каждого участка народного суда были составлены к 1 декабря 1927 г.

6. Принять меры к тому, чтобы органы, на которых лежит избрание нарзаседателей, отнеслись с особым вниманием к избранию в нарзаседатели лиц, достаточно подготовленных к исполнению этих обязанностей, а также крестьянок и лиц из националов, в особенности в местностях с значительным количеством населения из национальных меньшинств.

7. Результаты кампании перевыборов судработников и нарзаседателей на 1927 год должны быть освещены в отчетах край, обл-, губ- и окрсудов за 2-е полугодие т. г. с приложением статистических таблиц, по установленным НКЮ формам №№ 13 и 18.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

Зам. Зав. Отделом Суд. Управления Нехамкин.

13 октября 1927 г.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 16 заседания Пленума Верховного Суда от 5 сентября 1927 г.

1. п. 3. Об ответственности фактического совладельца предприятия перед рабочими по зарплате.

(Предложение Президиума Верховного Суда по делу Северо-Кавказского крайсуда по иску Тарасова, Корнеева и др. к гр-р. Бендерскому и Фургалеву о 3.190 р. зарплаты.)

Обстоятельства дела:

Гр-не Тарасов, Корнеев и др. были наняты гр-ном Бендерским для разработки песчаного карьера на участке, принадлежащем гр-ну Фургалеву. Вследствие неполучения зарплаты гр-не Тарасов и др. обратились в суд о взыскании с гр-на Фургалева и Бендерского зарплаты за время с 26/VI по 13/XI 1926 г. Признав, что искивые требования рабочих подлежат удовлетворению в сумме 1.053 р. 20 к., суд взыскал указанную сумму с обоих ответчиков в равных долях. ГКК Верховного Суда, куда дело поступило по кассационной жалобе Фургалева, отменила решение в отношении его и передала дело в этой части на новое рассмотрение, признав, что работа во дворе Фургалева не служит достаточным основанием для признания его компаньоном гр-на Бендерского, нанявшего рабочих от своего имени.

При новом рассмотрении дела суд, несмотря на то, что истцами была представлена справка от финорганов о том, что Фургалев, как и Бендерский, обложены подоходным и промысловым налогами за разработку песчаных карьер, признав, что участие Фургалева в разработке карьера в качестве компаньона ничем не доказано и поэтому в иске к Фургалеву отказал.

По кассационной жалобе истцов дело вторично поступило в Верховный Суд и по предложению Председателя дело было внесено в Пленум Верховного Суда, который вынес следующее постановление:

«Принимая во внимание:

1) что решением Северо-Кавказского крайсуда от 21—24/XII 1926 г. постановлено взыскать поровну с Бендерского, Макара, и Фургалева, Ивана, в пользу Тарасова, Прокудина и др. 1.053 р. 20 к. зарплаты;

2) что, как это видно из дела, разработка карьера производилась на участке Ивана Фургалева, который был заинтересован в получении прибыли, получая от Бендерского, нанявшего рабочих, по 1 р. 50 к. с вагона песка, что Фургалев был обложен промысловым налогом за разработку карьера и что с его стороны последовала добровольная частичная уплата зарплаты рабочим;

3) что, таким образом, решение крайсуда от 21—24/XII 1926 г. является правильным, а у ГКК не было оснований к отмене решения в отношении Фургалева,—Пленум Верховного Суда определяет:

определение ГКК от 19/II 1927 г. и решение Сев.-Кавк. крайсуда от 14/V 1927 г. отменить, оставив в силе решение того же крайсуда от 21—24/XII 1926 года.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Д. Курский.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.